

Благородный воин

Автор:

[Джулия Гарвуд](#)

Благородный воин

Джулия Гарвуд

Англия стонет под железной поступью норманнов. Вильгельм Завоеватель с присущим ему цинизмом отдает знатных саксонских девушек вместе с их землями в жены своим рыцарям, убившим отцов и братьев несчастных невест.

Красавица Элизабет Монтрайт, чудом избежавшая смерти, не желает для себя столь жалкой судьбы. Однако побег девушки завершается неудачей, и она оказывается в руках человека, которого боится больше всего на свете, – безжалостного Джеффри Беркли.

Но почему этот ужасный воин не спешит воспользоваться беззащитностью юной пленницы? Почему относится к ней как благородный рыцарь без страха и упрека – к прекрасной даме, которую любит всей душой?..

Джулия Гарвуд

Благородный воин

Джерри – с любовью. За его поддержку, а главное, за то, что он во мне никогда не сомневался.

Благородные воины рождены для битв, а сражения возвышают тех, кто предается им без трусости и страха.

Жан Фруассар[1 - Жан Фруассар (ок.1337 – после 1404) – французский хронист, поэт.]

Пролог

1086 год, Англия

Рыцарь в молчании готовился к сражению. Он сидел верхом на деревянном табурете, вытянув мускулистые ноги, а слуга натягивал на него кольчужные чулки. Потом рыцарь встал, и другой слуга надел на него тяжелую броню поверх толстой стеганой рубашки из хлопка. Наконец он поднял руки, чтобы дать возможность прикрепить к металлической петле на поясе драгоценный меч – дар самого Вильгельма[2 - Имеется в виду Вильгельм I Завоеватель – предводитель норманнов во время завоевания Британских островов в 1066 году. – Примеч. пер.]. Мысли рыцаря витали далеко: он не думал ни о своем облачении, ни о том, что его окружало. Он размышлял о предстоящем сражении, о тактике, которую следует избрать, чтобы добиться победы.

Неожиданные раскаты грома вывели его из сосредоточенной задумчивости. Откинув полог шатра, рыцарь долго смотрел на затянутое тяжелыми тучами небо.

Слуги, боясь прервать раздумья своего господина, занимались каждый своим делом.

...Наконец облачение было завершено. Быстрыми, широкими шагами рыцарь вышел из шатра и, вскочив на могучего боевого коня, не оглядываясь, поскакал прочь от лагеря в сторону леса.

Перед сражением хотелось побыть одному.

Лес манил свежестью и покоем. Рыцарь продирался сквозь низко свисающие ветви деревьев, не обращая внимания на фыркающего коня, которому явно не нравилась такая прогулка.

Вскоре, преодолев некрутой подъем, воин натянул поводья. В низине его взору предстало имение.

При мысли о том, что изменники обосновались в замке, его сердцем вновь овладела ярость, но рыцарь быстро взял себя в руки. Мечь свершится, и он вернет свои владения. И только тогда он позволит выплеснуться ярости. Только тогда и не раньше.

Воин, очарованный величественной картиной, не мог оторвать глаз от поместья: толстая, неровная стена в двадцать футов замыкала в себе многочисленные строения. С трех сторон замок омывала река, и это особенно радовало рыцаря – проникновение с воды казалось почти невозможным. Главные здания, выложенные из камня, фасадами выходили на огромный двор. На лице воина промелькнуло выражение упрямой уверенности: очень скоро он сделает замок неприступным. То, что случилось, не должно повториться!

Темные грозовые облака в попытке затмить восходящее солнце образовали серую изогнутую борозду. Ветер наполнял округу всевозможнейшими звуками: порывистый вой, перемежавшийся с низкими, свистящими стонами, привел черного коня в дрожь, но всадник властно стиснул его бока каблуками, и животное успокоилось.

Рыцарь вновь поднял голову – клубящиеся тучи были уже прямо над ним. Казалось, на землю вот-вот опустится ночь.

– Погода не умиротворяет мой дух, – пробормотал он.

Уж не дурной ли это знак? Предрассудки не были чужды воину, хотя он всегда смеялся над теми, кто перед каждым сражением суеверно отмечал приметы: как-то окончится битва?

Он, в который уже раз, вернулся к плану сражения. Нет, как будто каждая деталь отработана, все продумано. И все-таки что-то беспокоило. Но что?..

Огненная вспышка молнии вывела воина из задумчивости, он натянул поводья, поворачивая коня назад, к лагерю, как вдруг увидел ее.

Стоя на соседнем холме, она, казалось, смотрела на него в упор. Но вскоре рыцарь понял, что это было не так: ее взгляд был устремлен на замок, его замок.

Незнакомка очень прямо держалась в седле. Вокруг ее лошади в яблоках кружили непонятной породы собаки, статью напоминавшие волков. Длинные белокурые волосы хрупкой всадницы рассыпались по плечам. И даже с такого расстояния было заметно, как белая ткань туники под порывами ветра облегает округлые формы груди.

Всадник вряд ли мог дать объяснение тому, что увидел. Одно было ясно: такой красавицы он раньше не встречал.

Неожиданно рыцарь увидел ястреба. Тот несся очень низко над землей, и, что больше всего встревожило его, птица явно устремилась к прекрасной даме. Но та не испугалась, а, когда ястреб закружил прямо у нее над головой, даже помахала ему рукой, словно приветствуя старого друга.

Рыцарь на мгновение зажмурился, а когда снова открыл глаза, видение исчезло. Он тронул лошадь. Надо поспешить к ней.

Через несколько минут всадник уже был на соседнем холме, но все напрасно – девушка-видение исчезла. «Да, это было лишь видение, доброе предзнаменование перед сражением», – подумал воин.

В лагерь рыцарь возвращался в приподнятом настроении. Его люди уже были в седлах и ждали только приказа. Он одобрительно кивнул и потребовал копье и щит с гербом.

Слуги бросились к господину – вдвоем с тяжелым щитом – и встали рядом, ожидая, когда он примет оружие. Но, к их смущению, рыцарь медлил, только уголки губ тронула едва заметная улыбка. А потом сделал то, что удивило не только слуг, но всех ратников: наклонился и указательным пальцем обвел вырезанный на щите силуэт ястреба.

Затем откинул голову и, раскатисто рассмеявшись, без видимых усилий поднял левой рукой щит, а правой – копье.

Глава 1

Длинные, тонкие пальцы солнечных лучей коснулись земли, ознаменовав наступление нового дня.

Прислонившись к ветхому дверному косяку, несколько долгих минут Элизабет наблюдала за появлением солнца. Потом вышла из хижины.

Высоко над деревьями, распластав крылья, парил ястреб.

Заметив девушку, птица ринулась к земле и с пронзительным криком и громким хлопанием крыльев уселась на ближайший валун.

– Вот и ты, мой гордый друг, – мягким голосом поприветствовала ястреба девушка. – Сегодня что-то рано. Тоже не спится?

Она нежно улыбнулась птице и протянула навстречу правую руку так, что ладонь оказалась чуть выше пояса.

– Садись.

Ястреб, склоняя голову то на один, то на другой бок, не сводил с ее лица пронизывающего взгляда, из горла полились клекочущие звуки. Бархатные глаза казались дикими и злыми, но Элизабет это не испугало. Доверчиво глядя на птицу, она вновь позвала ее. Ястреб вмиг опустил на обнаженную руку хозяйки.

От прикосновения длинных и острых, как клинки, когтей не было больно. Девушка знала, что птица не поранит ей кожу.

– Ну что мне с тобой делать? – Голубые глаза Элизабет искрились весельем. – Растолстел, дружок, обленился. Я тебя выпустила, а ты отказываешься от свободы. Если бы только люди так же хранили преданность, как ты, моя верная птичка. – Радость ее внезапно сменилась всепоглощающей печалью.

Вдруг тишину нарушил стук копыт.

– Лети! – быстро сказала Элизабет.

Ястреб взмыл в небо. Девушка бросилась к лесу, на бегу окликая волкодавов. В ее голосе слышался страх.

Собаки подоспели в тот самый момент, когда она застыла за толстым стволом ближайшего дерева. Элизабет подала им знак замереть. Ее сердце бешено колотилось, она напряглась в ожидании.

Везде рыскали мародеры, целые банды бездомных бродяг и безродных нищих, и всякий осмелившийся выйти за пределы своего жилища рисковал подвергнуться грабежу и насилию. Элизабет ругала себя за то, что не захватила из дома кинжал.

– Миледи!

Сквозь пелену страха сознания достиг голос верного слуги, и Элизабет почувствовала облегчение. Подавшись вперед и склонив голову, она никак не могла отдышаться.

– Миледи! Это я, Джозеф! Вы здесь?

Тревожные нотки заставили ее поспешить из укрытия. Элизабет обошла дерево, юркнула за спину слуги и дрожащей рукой похлопала по сутулому плечу старика.

От неожиданности Джозеф подпрыгнул и, что-то воскликнув, быстро обернулся, чуть не сбив госпожу.

– Ух, у меня прямо сердце оборвалось, – проворчал было он, но, заметив, что миледи сама напугана, улыбнулся беззубым ртом. – Уж такое у вас красивое личико, что, если даже когда и хмуритесь, я размякаю.

– Ах ты старый плут, – усмехнулась Элизабет.

Слугу, как всегда, пленил ее чарующий, с хрипотцой голос. Джозеф проследил взглядом за тем, как девушка направилась к хижине. В который уже раз старик удивился, что ее красота до сих пор способна его поражать, – а ведь он знал госпожу с самого младенчества.

– Заходи, выпей со мной чего-нибудь. А кстати, что привело тебя сюда сегодня?

Элизабет встрепенулась.

– Я ведь не перепутала? Сегодня ты не должен был привозить мне еду. Или мне изменило чувство времени?

Джозеф, уловив в ее голосе отчаяние, захотел обнять и утешить свою любимицу. Но это было невозможно: Элизабет оставалась его госпожой, а он ее смиренным слугой.

– Скоро месяц, как моя семья...

– Не надо об этом, миледи. Не терзайте себя и не раздражайтесь. У вас светлая голова. Я приезжал два дня назад, а сегодня я приехал, чтобы сообщить вам важное известие и предложить план.

– Но если ты снова посоветуешь мне ехать к бабушке, знай, что напрасно приехал сюда. Ответ будет тот же. Никогда! Я останусь здесь до тех пор, пока не найду способа отомстить за убийство родных. Я дала клятву!

Она в упор смотрела на старика. Упрямо вздернутый подбородок подтверждал решительность. Не выдержав сквозящего в ее взгляде леденящего холода, Джозеф опустил глаза.

Элизабет сложила руки на груди и ждала.

– Так что же ты, говори, – уже мягче продолжала она. – Радуйся, что я отправила в безопасное место малютку Томаса. Но этого вполне довольно.

Однако слуга ответил вовсе не то, что она ожидала услышать. Сгорбившись сильнее обычного, старик прочистил горло.

– Злодеев больше нет.

– Нет? Что ты хочешь сказать? Как это может быть? Куда они подевались? – С каждым вопросом Элизабет повышала голос, не замечая, что, ухватившись за плащ, немилосердно трясет верного слугу.

Джозеф попытался осторожно высвободиться:

– Помилосердствуйте, госпожа! Войдем в дом, и я расскажу все, что знаю.

Кивком головы девушка дала понять старику, что согласна, и попыталась успокоиться – хозяйке не пристало так вести себя со слугой. Но разум отказывался подчиняться: оставшиеся без ответов вопросы вызвали целую бурю противоречивых чувств.

Хижина состояла из единственной комнаты. Мебели почти не было. Элизабет устроилась на краешке одного из двух деревянных стульев и наблюдала, как старик разводит огонь в очаге.

Казалось, минула целая вечность, прежде чем слуга уселся напротив.

– Все произошло вскоре после того, как я уехал отсюда. В тот самый день, когда разразилась гроза. Я увидел их с холма. В туче пыли всадники, а их было человек двести, неслись прямо к замку и выглядели непобедимой силой. Да что говорить, я прямо чувствовал, как земля под копытами лошадей дрожит. Их предводителя я распознал сразу – он без шлема ехал впереди. По тому, как нападающие взломали ворота и ворвались внутрь, я понял, что они даже не сочли нужным застать врага врасплох – на неожиданность удара они не рассчитывали. Любопытство заставило меня отбросить всякую предосторожность, и я выбрал наблюдательный пункт получше. К тому времени предводитель расставил свое войско полукругом и, прикрываясь щитами, они пошли в атаку. Вот это было зрелище! Стоило посмотреть, как он бьется: гигант, с огромным мечом – такой обыкновенным людям двоим поднять не под силу, – уложил очень многих. Тогда-то и разразилась буря...

– Они прибыли от лорда Джеффри? – Элизабет произнесла вопрос шепотом, но Джозеф расслышал.

– Да, это были люди лорда Джеффри. Вы ведь знали, что он должен послать воинов.

– Разумеется, я это понимала, – вздохнула девушка. – Отец был вассалом лорда Джеффри, а господин всегда востребует назад то, что принадлежало ему. Но мы не отправляли лорду Джеффри никаких вестей. Разве он мог прибыть так быстро?

– Не знаю, – признался слуга.

– Белвейн! – Имя криком отчаяния сорвалось с девичьих губ.

Элизабет вскочила и принялась нервно расхаживать по хижине.

– Ваш дядя? – удивился старик. – Но ему-то зачем...

– Конечно, он, – прервала слугу госпожа. – Мы оба прекрасно понимаем, что именно дядя стоит за убийством моей семьи. И он же кинулся к лорду Джеффри. Боже мой, предал своих, чтобы заслужить его милость. Какую же ложь он там наговорил?

Джозеф покачал головой:

– Я всегда знал, что он нехороший человек, но чтобы докатиться до такого...

– Мы проиграли, Джозеф. – Голос девушки задрожал. – Лорд Джеффри поверит рассказам дяди. Меня и Томаса передадут в руки Белвейна, и Томаса тут же убьют. Ведь дядя лишь тогда станет полноправным господином в нашем доме, когда умрет мой маленький братик. Только тогда.

– Но лорд Джеффри может разрушить планы Белвейна, – предположил слуга.

Элизабет покачала головой:

– Сама я ни разу не видела лорда Джеффри, но слышала, что характер у него бешеный, а временами вовсе несносный. Нет, он мне не поверит.

– Миледи... – начал было снова слуга.

– Если бы речь шла только обо мне, – прервала его Элизабет, – я не задумываясь отправилась бы к господину. Все должны знать о злодеяниях Белвейна. Но мне следует оберегать Томаса. Дядя думает, что мы оба мертвы.

Девушка мерила комнату большими шагами.

– Я приняла решение, Джозеф. Завтра мы отправляемся в Лондон, к дедушке.

– А как же Белвейн? – Старик весь напрягся, страшась услышать ответ. Он слишком хорошо знал характер своей госпожи: Элизабет не простит дяде злодеяний.

– Я его убью.

В хижине воцарилась тишина. В очаге зашипело и затрещало полено. Холод пробрал старика до костей. Он не сомневался, что хозяйка сдержит слово. Но не все еще новости ей были известны. И, сцепив на коленях высохшие ладони, Джозеф быстро договорил:

– Люди Джеффри захватили Томаса.

Элизабет остановилась так резко, точно натолкнулась на препятствие.

– Не может быть! Сейчас он уже у дедушки. Ты сам отправил его с Роландом. Тут, без сомнения, какая-то ошибка.

– Нет, миледи. Я видел его в замке собственными глазами. Томас спал у огня, и это был именно он. Мальчика там считают немым, – заметив, что госпожа его вот-вот перебьет, Джозеф предостерегающе поднял руку и быстро продолжил рассказ: – Как он там очутился, не знаю. Люди Джеффри мне ничего не сказали. Ясно только одно: они еще не поняли, кто этот мальчик, но заботятся о нем хорошо, несмотря на то что человек, спасший Томасу жизнь, при смерти.

– Джозеф, ты говоришь загадками! Кто еще при смерти? – В отчаянии Элизабет убрала со лба мешавшую прядь золотистых волос.

Слуга тяжело вздохнул и, прежде чем объяснить в чем дело, подергал себя за длинную бороду.

– Во время сражения их предводителя ранили в голову. Теперь, говорят, он умирает.

– А зачем тебе понадобилось рисковать и идти в имение?

– Мейнард, главный конюх, сообщил, что мальчик в замке, и я хотел убедиться в этом, – объяснил слуга. – Узнав, что предводитель людей лорда Джеффри при смерти, я отыскал его помощника. – Джозеф снова прокашлялся. – Мне в голову пришел замечательный план. Я сообщил ему, что могу привести опытного лекаря, но с одним условием: когда их предводителю полегчает, лекарь беспрепятственно покинет замок. Сначала воин заартачился, сказал, что не обязан давать никаких обещаний, но я не сдавался, и он в конце концов согласился.

Элизабет внимательно слушала, потом сердито возразила:

– А если предводитель не поправится? Что тогда?

Джозеф развел руками:

– Это все, что пришло мне в голову. Я подумал, если вы окажетесь в замке, то, быть может, найдете способ освободить Томаса. Ну, не хмурьтесь, миледи. Ваша мать умела лечить, и я видел вас вместе с ней у постели больных. Уж кое-чему она вас наверняка научила.

Девушка раздумывала над словами старого слуги, и от мысли, что придется что-то предпринимать, внутри у нее холодело. Но освобождение Томаса стало теперь главной задачей. Стоит людям лорда Джеффри узнать его истинное имя, и они заберут мальчика с собой к господину. По закону после смерти отца право на управление имением переходило к Томасу. Но скорее всего, до достижения совершеннолетия его оставят под опекой дяди, а Белвейн уж позаботится, чтобы

устранить единственное препятствие на пути к власти. Что ж, закон и для него закон.

Другого выхода нет. Элизабет повернулась к слуге:

– План хорош. Бог даст, их предводитель выздоровеет. А нет, сделаем все, что в наших силах, – она медленно перекрестилась, Джозеф поспешно последовал ее примеру.

– Бог даст, Бог даст, – эхом повторил он.

– Буду готовиться к отъезду, а ты пока оседлай мою кобылу. – Улыбка смягчила тон ее приказа.

Джозеф тотчас же вышел и плотно прикрыл за собой дверь. Обойдя хижину, он вывел лошадь, и через несколько минут животное было готово к дороге. Элизабет к тому времени уже успела переодеться. Теперь на ней было простое по покрою, но сшитое из дорогого материала синее платье, которое очень шло к ее голубым глазам.

Она подала старику пучок каких-то трав, и Джозеф помог ей вскочить в седло. Мысли о побеге все время вертелись у него в голове, и это не ускользнуло от Элизабет. Девушка наклонилась и нежно похлопала морщинистую руку:

– Не тревожься, Джозеф. Все будет хорошо.

Старик перекрестился и вскочил в седло.

Менее чем через час всадники по петлявшей дороге достигли разбитых в сражении ворот замка. Здоровенные стражники опасливо отступили при виде страшных волкодавов Элизабет. На их лицах отразилось явное удивление, но, с ухмылкой перемигнувшись, они пропустили путешественников за крепостные стены.

Во внутреннем дворе замка Джозеф спешился первым и бросился к госпоже. Элизабет подала ему руку, и старик, почувствовав, как дрожат пальцы девушки, понял, что она боится. Но заглянув ей в глаза, старый слуга ощутил гордость –

внешне Элизабет оставалась абсолютно спокойной.

- Вся в родителя, - прошептал он, снимая ее с седла.

Девушка в самом деле унаследовала от отца исключительную храбрость. Поистине это он, старик, умирал от страха, а хрупкая хозяйка ободряла его и успокаивала.

Когда они входили в ворота, со всех сторон их окружил какой-то гул: это повсюду работали люди. Но теперь во дворе воцарилось гробовое молчание – и от этой абсолютной тишины мороз пробежал по коже. Море незнакомых лиц, чужие глаза внимательно следили за каждым движением. Мгновение, собираясь с духом, Элизабет стояла у лошади. Но лишь мгновение, и вот с высоко поднятой головой она уже идет прямо через толпу.

Джозеф, кажется, говорил, что людей лорда Джеффри едва ли наберется две сотни. Нет, решила про себя девушка, их по крайней мере в два раза больше. И все бесстыже таращатся на нее. Но грубые манеры не испугали Элизабет, наоборот, подхлестнули гордость, и она царственно выпрямилась. Ветер, подхватив капюшон, сорвал его с головы, и освобожденные густые золотисто-солнечные волосы разметались по плечам.

С тем же спокойным достоинством девушка вошла в большой зал, задержавшись только для того, чтобы снять плащ и передать подскочившему Джозефу. При этом она успела заметить, что старик изо всех сил сжимал в кулаке пучок ее целебных трав – так что от напряжения вздулись и почернели вены, – и чтобы успокоить его, ободряюще улыбнулась.

Внешне равнодушная к восхищенным взглядам мужчин, в сопровождении верных волкодавов Элизабет направилась в дальний конец зала, к очагу. Никто не проронил ни звука, пока она согревала ладони над пламенем. Руки вовсе не замерзли, но девушка хотела собраться с духом, перед тем как лицом к лицу столкнуться с недругами. Когда медлить дальше стало неприлично, Элизабет посмотрела в лица чужаков. Собаки сели у ее ног.

Медленно-медленно Элизабет обвела глазами зал. Ничего от родного дома в нем не осталось. Изрубленные гобелены и знамя, напоминая, что в Монтрайт вступила смерть, ключьями свисали с сырых каменных стен. В душе Элизабет не

отзывался когда-то звеневший здесь смех, лишь мучительно звучали смертные стоны. Пустое помещение казалось чужим. Неужели за этим длинным дубовым столом сидели отец и мать? Предстала вдруг совершенно иная картина: опускающийся на мамину шею меч...

Ее мысли прервал чей-то кашель. Тяжелое молчание было нарушено. Девушка с трудом оторвала взгляд от закопченных лохмотьев знамени и посмотрела на стоявших перед ней людей. От группы у стола тут же отделился нагловатый рыжеволосый парень и встал перед Элизабет. Оруженосец, решила она: для пажа велик, а для рыцаря молод. Глядя на его самоуверенную ухмылку, девушка чуть не расхохоталась, но, вспомнив, что следует сохранять показное равнодушие, вовремя сдержалась.

Оруженосец заглянул в ее голубые глаза и громко заметил:

– Красивая. Как же ты собираешься лечить нашего господина?

Элизабет промолчала. Честно говоря, она сама не очень-то знала, что ответить. Парень повернулся к товарищу:

– Ее волосы рождены от солнца. Бьюсь об заклад, на ощупь они мягкие, как тончайший шелк. – Он протянул руку, чтобы коснуться ее локона, но пальцы замерли на полдороге – тихий, но властный голос полоснул, как кинжал:

– Тебе надоела жизнь?

Улыбка сползла с лица оруженосца; парень так и остался стоять с приподнятой рукой – чуткое ухо уловило глухое ворчание. Он посмотрел на собак: готовы к прыжку – шерсть на холках встала дыбом, острые, как сабли, клыки оскалены.

Оруженосец побледнел, нахмурился и очень тихо сказал:

– Ты под защитой Ястреба, и я не причиню тебе вреда. Меня тебе нечего бояться.

– Тогда и меня не бойся, – в свою очередь, Элизабет произнесла это так тихо, что расслышал один оруженосец. Девушка улыбнулась, и от его гнева не осталось и следа. Юноша понял, что, хотя солдаты смотрели на них во все глаза, они не

разобрали их короткого разговора и его честь была спасена. Он тоже благодарно улыбнулся в ответ. Элизабет подала собакам знак, и волкодавы, успокоившись, забили тугими хвостами по застланному тростником полу.

- Где находится ваш предводитель? - Вопрос был задан обычным голосом.

- Следуй за мной, я отведу тебя к нему, - оруженосец сказал это так, чтобы слышали все.

Элизабет согласно кивнула и направилась вслед за юношей. У лестницы она остановилась, приняла у Джозефа травы и ободряюще улыбнулась старому слуге. Ей пришлось напрячь все душевные силы, чтобы прогнать незваные мысли о прошлом, - память настойчиво рисовала картины, как она бегала по этой самой лестнице с сестрами и братом. Но время оплакивать мертвых еще не настало. Теперь от ее выдержки зависела судьба Томаса.

На первой площадке их встретил рыцарь постарше. Резкие черты его лица выражали явное недовольство, и Элизабет приготовилась к новому столкновению.

- Так ты женщина! Послушай, если ты замышляешь какой-нибудь подвох...

- Подвоха не будет, - перебила воина девушка. - Я сведуща в травах, которые способны исцелить твоего предводителя, и сделаю все, чтобы его спасти.

- Почему ты решила ему помогать? - рыцаря явно терзали сомнения.

- На этот вопрос я не хочу отвечать. - Элизабет ощутила, как ее захлестывают раздражение и усталость, и всеми силами старалась не показать своих чувств. - Так ты принимаешь мою помощь?

Рыцарь минуту-другую не сводил с нее глаз, не в силах избавиться от подозрений, но Элизабет упрямо решила его не успокаивать и выдержала взгляд.

- Собак оставь здесь и пошли, - мужчина почти выкрикнул короткий приказ.

– Нет, – отчетливо произнесла Элизабет. – Они отправятся со мной и никому не причинят вреда, пока я буду в безопасности.

Рыцарь, к ее удивлению, не возразил, хотя по тому, как запустил в каштановые, тронутые сединой волосы длинные пальцы, было ясно, насколько он раздражен.

Они не повернули налево к трем большим спальням. Провожатый вынул из держателя на каменной стене факел и заспешил по коридору направо – прямо к ее комнате.

У входа дежурили два стражника. Заметив Элизабет, оба, как по команде, удивленно вскинули головы. Не без внутренней дрожи девушка переступила вслед за рыцарем порог. Быстро обвела глазами помещение и поразилась тому, что комната выглядела точно так, как в тот день, когда она ее покинула.

Спальня была меньше других, но нравилась Элизабет тем, что из небольшого окна открывался восхитительный вид на лес.

Большую часть стены занимал камин. По обеим его сторонам стояли два деревянных табурета с яркими синими подушками, которые ей сшила сестра Маргарет.

Взгляд скользнул по висящему над камином знамени с изображением двух волкодавов: голубые нити великолепно сочетались с цветом подушек. Еще один тон – ярко-красный – выделял силуэт любимого ястреба. Сердце заныло: Элизабет вспомнила, сколько вечеров они работали с матерью над этим полотнищем.

«Не смей, – остановил ее внутренний голос. – Не время». Девушка тряхнула головой, и этот жест не ускользнул от внимательно наблюдавшего за ней рыцаря.

Он тоже посмотрел на знамя, перевел взгляд на Элизабет и понял, что она пытается скрыть какое-то мучающее ее чувство. В глазах рыцаря промелькнуло любопытство и шевельнулась смутная догадка.

Элизабет, не обращая больше внимания на знамя, повернулась к кровати, где за раздвинутым желто-синим пологом лежал предводитель. Элизабет поразил его рост. Кровать была явно мала для него.

Иссиня-черные волосы разметались по подушке. По непонятной причине даже в своем беспомощном состоянии больной пугал Элизабет, и девушка застыла, изучая его черты.

Рыцарь был красив. Красив и... суров.

Внезапно он начал метаться и стонать. Это вернуло Элизабет к действительности, и она положила прохладную ладонь на его покрытый испариной лоб. Молочно-белая рука ярко выделялась на смуглом, обветренном лбу. Прикосновение девушки успокоило рыцаря.

- Горит в лихорадке, - заметила Элизабет. - Давно он в таком состоянии?

Она наткнулась на припухлость над правым виском и аккуратно ощупала все вокруг раны. Соратник раненого стоял рядом и, нахмурившись, настороженно следил за ее движениями.

- Я видел, как ему нанесли удар. Он упал и с тех пор не приходил в себя.

Элизабет сосредоточенно думала, что делать дальше.

- Чушь какая-то, - наконец заключила она. - Лихорадки от удара не может быть, - и, распрямившись, приказала твердым тоном: - Помоги мне его раздеть.

Не давая возможности воину задать вопрос, зачем ей, собственно, понадобилось раздевать больного, Элизабет сама принялась освобождать раненого от воинского облачения. Поколебавшись, рыцарь взялся ей помогать и начал стягивать кольчужные чулки со вновь впавшего в забытие больного.

Но как девушка ни старалась, она так и не сумела стащить через голову страдальца стеганую, пропитанную потом рубаху и вынуждена была признать свое поражение. Машинально она потянулась к кинжалу, который носила на поясе: придется разрезать ткань, чтобы досуха обтереть пылавшую грудь.

Клинок блеснул в ее руке, товарищ раненого заметил сверкнувшую сталь и, не зная, что она затеяла, ребром ладони выбил оружие на пол.

Собаки грозно заворчали, но Элизабет успела их успокоить и повернулась к рыцарю. Ее голос стал мягким, и в нем совсем не чувствовалось злости:

– Хоть у тебя и нет причин мне доверять, очень прошу, не бойся. Я просто хотела разрезать рубаху.

– Зачем? – оторопело осведомился мужчина.

Элизабет пропустила вопрос мимо ушей и, подняв кинжал, сделала надрез у ворота. Потом разорвала ткань и приказала принести прохладной воды, чтобы омыть пот и выгнать жар из тела несчастного.

Пока рыцарь передавал распоряжение охранникам, она осмотрела шею и руки больного, стараясь выяснить, нет ли у него на теле других повреждений. Потом заставила себя перевести взгляд ниже и вспыхнула от смущения: она ведь никогда раньше не видела обнаженного мужчины. Несмотря на обычай, согласно которому дочери хозяев прислуживали при купании знатных гостей, отец не доверял друзьям и вместо дочерей посылал служанок.

Наконец любопытство пересилило замешательство, и Элизабет посмотрела ниже пояса рыцаря. Но, к своему удивлению, не обнаружила того ужасного орудия, которым, по словам служанок, обладают мужчины. То ли девицы привирали, то ли раненый рыцарь оказался с изъяном.

Так и не решив эту проблему, Элизабет вернулась к своим занятиям. Перекрестившись, она извлекла из своего узелка кусок материи, разорвала на полосы и, когда принесли воду, принялась обтирать воину лицо.

«Недвижим, как сама смерть, – подумала она. – Дышит неглубоко и неравномерно». На лице у рыцаря багровел шрам. Он начинался у уголка левого глаза, бежал полумесяцем к уху и терялся в черных, слегка вьющихся на затылке волосах. Мокрой тканью Элизабет прошла по бугристой поверхности и решила, что шрам несколько не портил внешности воина.

Потом омыла его шею и грудь и нашла еще шрамы.

– Слишком много отметин, – пробормотала Элизабет. – А ну-ка помоги-ка мне его перевернуть, – обратилась она к воину.

У рыцаря наконец лопнуло терпение, и он возмущенно завопил:

– Ради всех святых, женщина! Господину требуется лечение, а не ванна!

– Мне нужно твердо знать: ушиб на голове – единственная рана у него или нет, – так же громко возразила девушка. – А вы даже не удосужились снять с него доспехи.

Ответ рыцаря был достаточно красноречив: он сложил на груди руки и сердито смотрел исподлобья. Элизабет поняла, что на помощь вассала рассчитывать нечего. Девушка окинула его испепеляющим взглядом и вновь обратилась к раненому. Она склонилась над кроватью, ухватилась за беспокойно мечущуюся руку и изо всех сил потянула, но все бесполезно – рыцарь был очень тяжел, и перевернуть его было невозможно. От усилия Элизабет кусала нижнюю губу и только решила, что дело пошло, как больной увернулся, а сама Элизабет оказалась прижатой к его груди. Теперь он крепко сжимал ее кисть и, хотя оставался без сознания, а она рвалась что было мочи, отпустить не собирался.

Вассал, наблюдая за ее тщетными попытками освободиться, только качал головой, но наконец сжалился и проворчал:

– Посторонись-ка, женщина.

Разжав пальцы своего господина, он грубо вздернул Элизабет на ноги и уверенным движением перевернул беспомощного раненого на живот. И в тот же миг сердитое выражение исчезло с его лица, уступив место ужасу: нижняя рубашка рыцаря заскорузла от крови и прилипла к спине. Потрясенный вассал отступил на шаг.

Зато Элизабет при виде раны испытала облегчение: она знала, как обходиться с такими ранами. Девушка села на кровать и осторожно отлепила ткань от уже загноившейся раны. Вассал схватился за голову, из его глаз брызнули слезы

раскаяния.

- А я не удосужился проверить, - пробормотал он срывающимся шепотом.

- Не кори себя, - сочувственно улыбнулась ему Элизабет и деловым тоном продолжала: - Теперь ясно, откуда такая лихорадка. Мне нужна будет еще вода, только уже горячая, почти кипятком.

Рыцарь, кивнув, бросился из комнаты. Не прошло и нескольких минут, как возле Элизабет стоял только что вскипевший котелок. Элизабет очень боялась промывать рану, хотя много раз видела, как это делала мать. Не переставая молиться, она обмакнула в кипятком чистую ткань и скривилась от боли. Пересилив себя, она отжала тряпку и в нерешительности застыла над телом:

- Тебе, пожалуй, придется его придержать, - прошептала она. - Сейчас ему будет больно... но без этого не обойтись.

Голубые глаза встретились с хмурым взглядом воина. Тот в знак согласия кивнул и буквально пригвоздил господина к постели.

И все же девушка колебалась.

- Нужно удалить из раны всю заразу, иначе он умрет.

- Да, - только и ответил рыцарь.

Если бы Элизабет прислушалась, она различила бы в его тоне нотки понимания. Но она слишком переживала предстоящую муку больного.

Глубоко вздохнув, девушка положила горячую ткань на рану. Реакция оказалась необычайно бурной. Пытаясь сбросить со спины обжигающую тряпку, несчастный сильно дернулся и закричал, но вассалу удалось удержать его.

Элизабет в отчаянии закрыла глаза.

Дверь в спальню резко распахнулась, и с мечами наготове в комнату ворвались охранники. На их лицах были написаны страх и смятение. Помощник Элизабет

мотнул головой, приказывая им вложить оружие в ножны, а девушка едва слышно пробормотала:

- Это необходимо.

Успокоенные, стражи снова заняли свой пост в коридоре.

- Будь он в сознании, то никогда бы не закричал, - повернулся вассал к Элизабет. - А теперь просто не знает, что творит.

- Он просто дает выход мучительной боли. Разве это говорит о слабости духа? - Элизабет накладывала на рану вторую примочку.

- Он бесстрашный воин, - отозвался вассал.

- Но сейчас он во власти лихорадки.

Девушка заметила, что ее помощник кивнул, и ей захотелось улыбнуться. Она сняла с раны обе полоски пропитанной красновато-желтым гноем ткани. Прошло немало времени; одна повязка сменяла другую, и наконец из глубокого пореза стала сочиться одна только кровь. К этому времени руки Элизабет покраснели и покрылись волдырями. Стараясь избавиться от жжения, она потерла ладонью о ладонь и потянулась к своему узелку.

- Кровь идет чистая и не так много, - заметила она больше себе, чем помощнику. - Думаю, нет необходимости прижигать рану раскаленным ножом.

Воин оставался без сознания, и это радовало Элизабет. Средство, которым она собиралась воспользоваться, отнюдь не снимет боли. Обильно смазав рану пахучим снадобьем, она перевязала спину рыцаря.

Когда все было кончено, вассал перевернул раненого, и Элизабет влила ему в рот отвар из толченых листьев шалфея, мальвы и корня паслена.

Больше она ничем помочь не могла. От напряжения все тело ломало. Девушка встала, прошла к окну и, отодвинув штору, с удивлением увидела, что на улице стемнело. Устало облокотившись о холодный камень, Элизабет подставила лицо

живительному ветерку. Через какое-то время она повернулась к помощнику и вдруг заметила страшную усталость на его изможденном лице.

– Иди отдохни. Я присмотрю за твоим предводителем.

– Нет, пока Ястреб не придет в себя, я не уйду отсюда. – Говоря это, рыцарь подбросил полено в очаг.

– А тебя как зовут? – поинтересовалась Элизабет.

– Роджер.

– Послушай, Роджер, – продолжала задавать вопросы девушка, – а почему ты называешь своего предводителя Ястребом?

– Его так все зовут – все, кто участвовал с ним в сражениях, – проворчал сидящий на корточках у огня воин. – Так уж получилось.

Ответ мало что сказал Элизабет, но, боясь разозлить рыцаря, она не решилась больше расспрашивать. И попыталась перейти к тому, что интересовало ее больше всего:

– Говорят, у вас живет немой мальчик и что этого мальчика спас сам Ястреб. Это правда?

– Да.

У воина в глазах снова мелькнуло подозрение, и Элизабет поняла, что действовать надо очень осторожно.

– Кажется, я знаю, кто этот мальчик. И когда буду уезжать, могла бы отвезти его родным.

Глаза рыцаря сделались задумчивыми. Молчание сводило с ума, но Элизабет заставила себя успокоиться.

– Так что скажешь, Роджер?

– Сделаю, что смогу. Но распорядиться вправе только барон.

– Барон Джеффри сюда не приедет. А на письменный ответ уйдет не меньше месяца. Неужели он будет против, чтобы мальчика вернули родителям? Разве ты не можешь действовать от его имени? Я уверена, барон останется доволен, если его не будут беспокоить по пустякам. Монтрайт по сравнению с другими – маленькое, незначительное владение. – Элизабет повторяла почти слово в слово, что много раз говорил отец.

Лорд Джеффри ни разу не приезжал в Монтрайт, и когда требовали дела, лорд Томас сам отправлялся в главное имение барона.

Страстный напор девушки удивил рыцаря.

– Месяц? – переспросил он. – Подожди, вот спадет лихорадка, очнется Ястреб, и спросишь у него самого. Только в одном ты не права: для лорда Джеффри не существует незначительных владений. Он одинаково покровительствует всем, кто поклялся ему в верности, – и знатным, и небогатым.

– Ты говоришь, что Ястреб вправе мне дать разрешение? Он может действовать от имени барона? – В голосе Элизабет появилась надежда. – Тогда все в порядке. – Последние слова она адресовала скорее самой себе. – Я ухаживала за ним. Неужели он откажет мне в такой малости? – Молитвенно сложив руки, девушка с облегчением улыбнулась.

– А ты хоть знаешь, кого лечила? – лукаво усмехнулся рыцарь.

Элизабет сразу посерьезнела и молча ждала его объяснений.

– Ястреб и есть лорд Джеффри, сюзерен Монтрайта.

Воин с любопытством смотрел, как Элизабет воспримет неожиданную новость.

– Он барон Джеффри?

Дрогнувший голос Элизабет, конечно, выдал ее потрясение.

– Да, – подтвердил Роджер, удобно устраиваясь на табурете. – А что тебя так удивило? Ястреба знают все, – уже на высоких тонах закончил он.

– Конечно, – смущенно пробормотала девушка. – Только я думала, что он старый... старше, чем... – Она повернулась к раненому и долго всматривалась в его лицо.

От неожиданного поворота событий она растерялась. Отец никогда не рассказывал, что сюзерен такой молодой, и Элизабет почему-то представляла его стариком.

Девушка прислонилась спиной к холодному камню и вновь перевела взгляд на Роджера.

Ее наивность, казалось, забавляла рыцаря.

– Господин – самый молодой и самый могущественный из всех, кто стоит под властью Вильгельма, – с гордостью объяснил он.

– И если он поправится, то окажется моим должником?

Элизабет мысленно прочитала молитву, чтобы лорд Джеффри оказался порядочным человеком. Тогда он ее выслушает, и она убедит его в вероломстве дяди. Должна убедить. Только бы он поправился...

Мысли прервал громкий стук в дверь. Роджер дал ей знак оставаться на месте и сам пошел открывать. О чем-то пошептавшись с охранниками, он снова повернулся к Элизабет:

– Твой слуга хочет с тобой переговорить.

Девушка кивнула и последовала за одним из стражей в конец коридора, где ее ждал Джозеф. По лицу старика было видно, что он чем-то расстроен.

– Послушай, я лечила самого барона, – начала она без всяких предисловий.

Старик кивнул, но заговорил только тогда, когда стражник вернулся на свой пост.

– И как успехи?

– Надежда есть, – похвалилась девушка, но тут же добавила: – Остается только молиться: для Джеффри я – единственный шанс.

Джозеф слушал и продолжал хмуриться. Элизабет тряхнула головой:

– Все складывается очень удачно. Я хоть и женщина, но лорд – мой должник и поневоле выслушает меня.

– А кто тот другой, который сейчас всеми командует? – Старик повел головой в сторону спальни Элизабет.

– Роджер.

– Он послал за Белвейном.

– Что? – От неожиданности Элизабет застыла и тут же понизила голос: – Откуда ты узнал?

– Герман Плешивый слышал, как он отдавал приказание. Гонец ускакал час назад. – Видя, что Элизабет не в силах поверить, качает головой, Джозеф добавил: – Истинная правда. Белвейн будет здесь через неделю или немного позже.

– Боже мой, – прошептала Элизабет. – Только бы я успела поговорить с лордом Джеффри до появления этого чудовища. – Она вцепилась в рукав слуги: – Надо спрятать Томаса. Увести отсюда, пока не убедимся, что на барона можно положиться. Белвейн не должен знать, что мы живы.

– Это невозможно, миледи, – возразил старик. – Стоит Белвейну въехать в ворота, и он все поймет. Слишком многие были свидетелями вашего возвращения. Он все узнает. Да и этот Роджер догадается – теперь это только

вопрос времени.

– Надо подумать, – прошептала Элизабет и только тут заметила, что почти стащила со слуги тунику. – Посоветуйся с Германом. Он человек верный – не проговорится. К тому же вольный. Спрячьте с ним Томаса. Сможешь?

– Смогу. – Старик расправил плечи. – Не волнуйтесь, не подведу. И местечко подыщу подходящее.

Элизабет кивнула и сразу успокоилась – она вполне полагалась на покорного слугу.

– Это ненадолго. До тех пор, пока не придет в себя Джеффри.

– Но что будет с вами? Вдруг он вовсе не очнется? Так и не придет в себя, а в это время нагрянет Белвейн? А если барон умрет?..

– Придется бежать. В любом случае, когда он объявится, меня здесь не будет. Разве что Джеффри скоро придет в сознание, и мне удастся с ним поговорить, прежде чем дядя успеет нас оболгать. – Девушка содрогнулась. – Что бы ни случилось, мы должны переправить Томаса к дедушке. Он уж сообразит, что делать дальше.

– А на водопад вы вернетесь?

В голосе слуги сквозил страх. Ему поручили Томаса, так что он не мог сопровождать госпожу и страшно за нее беспокоился.

– Вернусь, – прошептала девушка. – Белвейн надругался над этими стенами. И я не в силах видеть, как он в них возвращается.

– Ну-ну, миледи, успокойтесь. – Старик заговорил с ней, как с маленькой обиженной девочкой. – Рыцарь непременно очнется, вы познакомитесь с ним до приезда Белвейна, и он вас обязательно выслушает.

Джозеф ждал, пока ее прерывистое дыхание успокоится. В последнее время старика пугало, насколько менялась госпожа при упоминании дяди. Он знал, что

миледи видела, как убивали ее родителей, понимал, какие душевные муки она испытала, и, как и она, считал, что за всеми этими злодеяниями стоял Белвейн. Он очень хотел, чтобы Элизабет нашла в себе силы высказаться, выплеснуть боль, хоть немного облегчить сердце... Насколько она отличалась от своих единокровных сестер Маргарет и Катрин! Может быть, потому, что была наполовину саксонка?..

Когда сэр Томас появился в Монтрайте с двумя маленькими дочерьми, это был суровый, глубоко несчастный человек, но за полгода все переменялось. Он женился на светловолосой красавице-саксонке. Несмотря на своенравный характер жены, Томас научился с нею ладить, и вскоре супруги не могли жить друг без друга. Через год родилась Элизабет. Отец решил, что сына ему иметь не суждено, и всю любовь обратил на голубоглазую крошку. Между ними возникла особая связь, которая сохранилась даже тогда, когда через десять лет на свет появился малютка Томми.

Лицом Элизабет не походила на отца, но переняла его сдержанные манеры и умение скрывать свои чувства. У Катрин и Маргарет любое переживание сразу же отражалось на лице. Элизабет вела себя совсем по-другому. Джозеф даже считал, что она – та ниточка, которая связывала воедино семью. Элизабет хранила верность очагу, который был для нее важнее всего в жизни. Выступала то миротворцем, то нарушителем спокойствия. Отец гордился ею, когда девушка выезжала с ним на охоту, а мать, обучая искусству шитья, приходила в отчаяние. Да, до недавнего времени она жила в счастливой семье.

– Я вам не успел еще сказать, что Герман послал своих людей в имение Белвейна. Надеется, что им удастся собрать нужные нам доказательства. Походят, поговорят со слугами...

– Славный он человек, – перебила его Элизабет, и Джозеф с облегчением вздохнул, заметив, как спадает ее напряженность. – Но вряд ли домашние Белвейна скажут им правду. Дядю все слишком боятся. Однако передай Герману, что я ему благодарна, – добавила она едва слышным шепотом.

– Он с уважением относился к вашей семье. Сами вы были еще ребенком и, наверное, не помните – это ваш батюшка дал ему волю, и Герман не забывает своего долга Монтрайтам.

– Что-то припоминаю. А скажи, – улыбнулась она, – почему Германа зовут Плешивым? У него ведь предостаточно волос на голове? Я спрашивала у отца, но ответа так и не получила.

Джозеф смутился. Ему очень не хотелось объяснять госпоже все, как было. Шутку придумали грубые мужланы, и история явно не предназначалась для нежных ушей леди.

От воспоминаний об отце Элизабет оживилась.

– Все будет хорошо, – шепнула она. – А теперь мне пора возвращаться к барону. Молись, чтобы Джеффри поправился. Молись, чтобы он меня выслушал. Выслушал и поверил.

Элизабет похлопала слугу по сутулому плечу и медленно направилась к спальне. Ее вновь охватил холодок страха. Мысль о приезде Белвейна не давала покоя. Если бы не маленький брат, такая перспектива ее бы только обрадовала. Уж она бы сумела приготовить ему западню и встретила бы дядю жаркими объятиями, держа кинжал наготове.

Ничего, ее время придет, и месть свершится. Решимость не позволяла девушке сгибаться и оберегала разум в этом безумном мире. Ей предстояло отомстить и позаботиться о судьбе брата. Лишь тогда, когда Томас окажется в безопасности, их земли станут свободными, а Белвейн жизнью заплатит за смертные грехи, – только тогда она позволит пронзить себя острому жалу отчаяния. Лишь тогда и не раньше.

Вернувшись в спальню, Элизабет увидела, что собаки, рассевшись по разным сторонам постели, дежурили вместо нее, и по их напряженным взглядам поняла, что они признали раненого рыцаря. Она устроилась на деревянном табурете у кровати и обтерла покрытый испариной лоб барона.

... Так продолжалось два дня и две ночи. Девушка не отходила от раненого, постоянно меняла повязки и, как учила мать, промывая рану отваром шалфея и паслена, двенадцать раз читала «Отче наш».

Она ела в этой же комнате и выходила за порог лишь в случае острой необходимости.

Однажды, спускаясь по лестнице, Элизабет заметила в большом зале Томаса. Мальчик посмотрел на нее и отвернулся. Она поняла, что брат ее не узнал. Но девушка не дала волю чувствам. Она еще успеет помочь брату, а теперь, может быть, и к лучшему, что память ему изменила. Томас тоже видел, как убивали отца и мать, и, если Бог добр и милосерден, он сделает так, чтобы мальчик обо всем забыл.

Элизабет перевела взгляд на стоящего рядом Джозефа. Слуга красноречиво посмотрел на Томаса и чуть заметно кивнул, и Элизабет поняла: старик выполнил все, что от него требовалось. Она, в свою очередь, кивнула и продолжала путь.

Девушка решила подождать еще один день, а потом исчезнуть. Ночью, когда воины заснут, Джозеф уведет Томаса. Если бы только барон согласился помочь! Если бы он очнулся и хотя бы выслушал! С такими мыслями она возвратилась к постели раненого.

О собаках заботился Роджер: следил, чтобы страшным охранникам приносили еду и вовремя за ними убирали и, судя по ворчливому тону, делал это совершенно неохотно. Причина крылась в странном поведении животных, не подпускавших рыцаря к постели раненого.

– Ведут себя так, словно я способен причинить вред своему господину, – недовольно жаловался он.

– Они его стерегут, – смеялась Элизабет, но сама удивлялась необычайной верности собак и не могла ее объяснить.

На второй день он несколько раз оставлял ее наедине с бароном, и Элизабет поняла, что ей все же удалось заслужить доверие рыцаря.

...Это случилось на вторую ночь. Девушка не спала у постели сэра Джеффри и решила обтереть его лоб.

Сон воина теперь казался спокойным, дыхание сделалось глубже. Элизабет была довольна тем, как он поправлялся, хотя ее слегка тревожило, что лихорадка пока не отпускала больного.

– Что ты за человек? – прошептала девушка. – Тот, кому столько людей хранят свою верность? – Тишина убаюкивала, и она опустила веки, а когда вновь взглянула на рыцаря, вздрогнула от неожиданности: ее внимательно изучали темно-карие глаза.

Машинально она потрогала лоб мужчины. Тот перехватил ее запястье левой рукой и медленно, но без видимых усилий притянул к себе. Грудь Элизабет оказалась прижатой к его широкой груди, губы – в дюйме от его рта.

– Храни меня, прекрасная нимфа, – вдруг проговорил он.

Элизабет улыбнулась. Слова, без сомнения, были сказаны в бреду. Девушка и рыцарь смотрели друг на друга целую вечность. Но вот другая рука барона обхватила ее затылок, нежно надавила, и их губы встретились.

Его губы были жаркими и податливыми, и Элизабет их прикосновение понравилось. Но как только девушка это подумала, целомудренный поцелуй прекратился, и они снова стали изучать друг друга.

Девушка не могла оторвать взгляда от его глаз – глубоких, темных и бархатистых. Их бездонность зачаровывала.

Словно уверенный в своей безнаказанности ребенок, Элизабет расхрабрилась и дала волю невинному любопытству – провела пальцами по его лицу и волосам. Они показались удивительно мягкими, и руки невольно принялись массировать кожу. Оба по-прежнему смотрели друг на друга. И если бы в Элизабет было больше проникательности, она бы поняла, что лихорадка отступила.

Подчиняясь необъяснимому порыву, она притянула голову рыцаря к себе и нежно коснулась губами его губ. Но не искушенная в любви, она не представляла, что делать дальше, и, словно совершающий первые шаги малыш, пробовала то одно, то другое. По телу разлилась жаркая дрожь, и Элизабет наслаждалась новым ощущением.

Любопытство было удовлетворено, и она уже собиралась отстраниться, но в этот миг руки рыцаря ожили, объятия окрепли, рот стал требовательным, язык, проникая внутрь, настойчиво ласкал ее полураскрытые губы. Тело девушки

моментально отреагировало на его чувственный призыв, его язык встретился с ее, начав вечную, как мир, дуэль. Элизабет и не подозревала, что в ее теле таятся такие чувства, но теперь они властно заявили о себе. Ее больше испугал не порыв Джеффри, а собственная реакция, и она быстро выскользнула из его слабеющих объятий. Потерла припухшие губы, стараясь справиться с дрожью.

Элизабет боялась смотреть барону в лицо, ее щеки пылали от смущения.

Лишь через несколько минут она заставила себя опустить глаза и с облегчением вздохнула – рыцарь спал.

Девушка тихонько рассмеялась:

– У тебя жар, милорд. Лихорадка пройдет, и ты все забудешь.

К ее ужасу, воин улыбнулся.

Глава 2

Барон проснулся на шестой день.

Пелена навеянного лекарствами сна спадала неохотно, и пробуждающееся сознание сбивалось и путалось. Открыв глаза, сэр Джеффри попытался охватить взглядом пространство у постели, лихорадочно вспоминая, как здесь очутился. Все казалось до боли знакомым и в то же время чужим. Перед глазами вспыхнули картины сражения, но что было потом, вспомнить не удалось.

Чертыхаясь от бессилия, барон перекатился на спину. Полыхнула боль, он глубоко вздохнул, пытаясь унять судорогу. Лишь потемнели зрачки, но изо рта не вырвалось ни звука – воин давно привык побеждать боль. Застонать значило проявить слабость. А именно несгибаемая, железная воля составляла могущество лорда Джеффри. Ее противоположность – слабость – он ненавидел; слабость была уделом ничтожных людишек.

– Добро пожаловать в мир живых, милорд.

Грубый голос верного вассала согнал с его лица гримасу сосредоточенности. Уж теперь-то он получит ответы на все вопросы. Заметив, насколько Роджер изможден, барон удовлетворенно кивнул: преданный вассал явно не смыкал глаз у его постели, и его верность обрадовала господина.

– Какой сегодня день? – спросил Джеффри хриплым голосом.

– Шестой, считая день, когда вас ранили.

Блуждающий взгляд приковало висящее над камином знамя. Он долго-долго изучал вышивку, и внезапно все мысли затмило видение. Она настоящая, она живая. Ярко, как зарождающийся день, в сознании вспыхнули сцены того, что случилось в комнате.

– Где она?

– Разве вы помните? – удивился Роджер.

– Да, – тихо ответил барон. – Приведи ее сюда. – Твердость приказа прозвучала неожиданным контрастом мягкому тону признания.

– Она исчезла.

Бешеный крик был слышен далеко во дворе. Он пугал и в то же время радовал сердце, показывал, насколько разгневан барон, и вместе с тем свидетельствовал, что господину значительно лучше. Роджер привычно встречал словесные удары, прекрасно зная, что поток ругательств вскоре иссякнет и он получит возможность все объяснить. Лорд Джеффри вспыхивал моментально, но человеком он слыл справедливым.

Надо выждать, ухмылялся про себя верный вассал, а потом уж излагать дело.

– Рассказывай все с начала! – наконец приказал сэра Джеффри.

Роджер заговорил быстро и перевел дух лишь тогда, когда закончил рассказ. Хотя он служил господину уже пять лет, но до сих пор терял способность

складно мыслить, когда видел его в таких расстроенных чувствах.

– Милорд, я пошел бы на сделку и с дьяволом, только бы спасти вашу жизнь, – заверение прозвучало, как жаркая клятва, и барон не обиделся на друга – верность Роджера не вызывала сомнений. – Я все же хотел узнать, где она живет, – продолжал вассал, – но кого бы ни спрашивал, никто ничего о ней не знает.

– Они говорили правду?

– Не думаю. Скорее старались ее защитить. Но не понимаю зачем.

– А этот мальчик, о котором она просила... Приведи-ка его сюда.

Усилием воли лорд Джеффри подавил разочарование и тревогу: девушка одна, беззащитная, за стенами замка...

Роджер поспешил передать приказ часовому.

– Мальчишка хотел улизнуть, – покачал он головой. – Охрана перехватила слугу девицы, который пытался увести его отсюда. Слугу я допросил, но он молчит. И я решил дождаться, когда вы придете в себя, чтобы во всем разобраться.

– Мальчик расскажет мне все, – сказал Джеффри.

– Но он по-прежнему не говорит, милорд. Как же...

– Нечего задавать вопросы, – резким тоном прервал барон. – Я должен все знать.

Не прошло и нескольких минут, как Томас предстал перед лордом. Он не проявлял ни страха, ни смущения и в ответ на испытующий взгляд широко улыбнулся. Бесстрашие его показалось Джеффри поразительным: даже у взрослых начинали трястись поджилки, когда барон останавливал на них свой взор, а этот только что не хохотал. На нем была крестьянская одежда, и он давно не мылся.

Нет, мальчик не боялся, скорее он испытывал острый интерес: его спаситель, воин, уничтоживший подстерегавшую его на пустынной дороге в Лондон банду, наконец очнулся. Память ребенка не распространилась дальше того эпизода, но лорд Джеффри об этом не знал и был тронут невинным доверием, сквозившим в глазах малыша.

- Вы теперь не умрете?

Вопрос Томаса поразил обоих мужчин: они думали, что мальчик немой.

- Нет, не умрете. Во дворе слышали, как вы кричали. И теперь все улыбаются, - закончил свою мысль Томас.

В голосе мальчика звучало такое облегчение и такая уверенность, что лорд Джеффри невольно рассмеялся.

- Как тебя зовут?

Мальчик открыл было рот, но, тут же нахмурившись, пожал плечами:

- Не знаю.

- Откуда ты и как сюда попал? - спросил Роджер.

Томас повернулся в его сторону.

- Он меня спас, - показал он на лорда Джеффри, - и привез сюда. Я буду рыцарем.

Томас, видимо, это твердо решил и сейчас горделиво расправил плечи.

Барон переглянулся с Роджером и снова обратился к мальчику.

- Ты чей? - спросил он, хотя заранее знал ответ.

- Ваш?..

В этом мальчик не был уверен и, сцепив от волнения руки, ждал, что скажет барон.

Его нервозность не ускользнула от Джеффри. И хотя он не имел опыта общения с детьми, в нем жил инстинкт оберегать и покровительствовать беззащитным.

– Мой, – ответил барон и сам внутренне содрогнулся от того, как грубовато прозвучал его голос. – А теперь оставь меня одного. Поговорим позже.

Томас облегченно вздохнул и бросился к двери, а барон обрадовался, что ребенок улыбнулся и больше не хмурится, и сам удивился собственным чувствам: видимо, жар ослабил не только его тело, но и дух.

– Ответьте, милорд. – Мальчишка остановился на пороге, но не повернул головы, так что Джеффри не видел выражения его лица.

– Да... – нетерпеливо проговорил он.

– Вы мой отец? – Томас взглянул на рыцаря, и тот ясно различил муку в его глазах.

– Нет.

Из глаз мальчика мгновенно брызнули слезы. Лорд повернулся к Роджеру, как бы спрашивая: «Ну что теперь делать?»

Воин пробормотал:

– Он тебе не отец. Он – твой господин. Твой отец был вассалом лорда Джеффри.

– Значит, он умер?

– Да, – признался барон. – Но теперь ты под моей опекой.

– И благодаря вашему покровительству я могу стать рыцарем?

– Сможешь.

– Вы не отец, вы господин. Но разве это не одно и то же? – как само собой разумеющееся заметил мальчик и испытующе посмотрел на Джеффри. – Правда?

– Правда, – с чувством ответил воин. – Одно и то же.

Пока за мальчиком не закрылась дверь, ни барон, ни Роджер больше не проронили ни слова. Было слышно, как парнишка хвастается перед часовыми в коридоре. Первым улыбнулся вассал:

– Да, Томасу хватало хлопот с этим малышом. А ведь, если мне не изменяет память, когда он появился на свет, лорд был уже немолодым человеком.

– Как я мог забыть? – подхватил барон. – У Томаса было несколько детей – и все девочки. Они уже подросли, когда родился сын. Томас с рождением сына так возгордился, что вести об этом событии дошли до Лондона.

– А девушка?.. – Брови Роджера поползли вверх.

– Без сомнений, его сестра. Посмотри внимательно в его глаза. Точная ее копия.

Джеффри свесил ноги с кровати и встал. Колени дрожали. Он глубоко вздохнул, страстно желая побыстрее обрести прежнюю силу.

– Она прячется от меня, Роджер, и я выясню почему.

– Нам сообщили, что истреблена вся семья, – заметил вассал. – А вот кто и зачем вырядил мальчишку в крестьянское платье...

– Явно из предосторожности. Ведь он – наследник Монтрайта.

– Тот слуга, что пытался его увести... Может быть, он поможет нам разгадать загадки? – предположил Роджер.

– Скорее всего... Уверен, он знает, где прячется его госпожа. И объяснит, отчего она так напугана.

– Напугана? – рассмеялся вассал. – Да она никого и ничего не боится. Послушайте Горация. Он только и твердит, как златокудрая появилась в большом зале и всех очаровала. Всех, кроме меня, – добавил он с улыбкой.

– А ты устоял? – усмехнулся барон.

– Меня она просто покорила. Я слишком стар, чтобы кто-нибудь взялся меня очаровывать, – застенчиво улыбнулся Роджер.

Джеффри только хмыкнул и, подойдя к окну, молча слушал рассуждения слуги, всматриваясь в лес.

– Сначала я разозлился. Не думал, что такая пигалица умеет лечить. К тому же я был убежден, что вы умираете. Но она не сдавалась, и ее бесстрашие меня заинтриговало. Перечила во всем. Дрогнула лишь тогда, когда просила за мальчишку. Но в то время я был слишком измотан и не сумел сообразить, что к чему. А вот сейчас все прекрасно понимаю.

– Но почему она скрылась именно теперь, когда ее дом в безопасности? Рисковать жизнью за стенами замка, когда можно прекрасно жить под охраной здесь... – Джеффри повернулся от окна. – Я выясню, в чем тут дело.

– И что тогда? – поинтересовался Роджер.

– Сделаю ее своей. – Рыцарь произнес это твердым, уверенным тоном. – Она будет моей.

Клятва была дана.

Потребовалось меньше часа, чтобы наладить все дела по восстановлению Монтрайта. Роджер был знающим и расторопным помощником, а его люди, укрепляя стены, старались изо всех сил.

Лорд Джеффри же, одетый под стать своему мрачному настроению во все черное, нетерпеливо ожидал в большом зале слугу Элизабет.

Барона одолевали гнев и сомнения, и он был сильно расстроен. Мысль, как найти девушку, не давала ему покоя. Это он сознавал, но не мог докопаться до причин своего беспокойства о ней. Чувствовал только, что ее появление в лесу перед сражением за Монтрайт стало добрым знаком. И вдруг знамение воплотилось в реальность: разве не она ухаживала за ним, когда он очнулся? Такие размышления сильно отдавали суеверием, но Джеффри ничего не мог с собой поделать: впервые за двадцать семь лет им правило чувство, а не рассудок. Открытие получилось не из приятных – в жизни лорда никогда не находилось места эмоциям. Они всегда подчинялись разуму. Барон руководствовался железной дисциплиной и логикой, острой, как меч, которым он отстаивал свои права. И так будет и впредь, нужно лишь, чтобы девушка нашлась и он сделал ее своей.

– Вот он, милорд, – раздался от дверей возглас Роджера, и на середину зала вытолкали дрожащего слугу.

Лорд Джеффри стальным взглядом уперся в старика:

– Имя?

– Меня зовут Джозеф, верный слуга сэра Томаса, – старик почтительно опустился на колени и склонил голову.

– Станный способ хранить верность своему господину. Попытка вывезти наследника Монтрайта за пределы его родных стен может стоить тебе головы.

– Я не замышлял против него ничего дурного, – прошептал старик. – Наоборот, хотел уберечь.

– От меня?! – Рев барона вовсе смутил слугу.

Несчастный замотал головой, стараясь справиться с голосом:

– Всего нет... Просто хотел укрыть в безопасном месте, пока вы не поправитесь.

- Видимо, считал, что здесь он находится в опасности?

- Прошел слух, что послали за Белвейном, дядей Томаса-младшего. Госпожа уверена, что он замешан в убийстве ее семьи, и она не хотела, чтобы брат был здесь, когда он приедет.

Лорд Джеффри задумчиво потер подбородок:

- Вот почему она скрылась.

- Именно поэтому, милорд. - Джозеф еще больше ссутулился, но все же решился поднять глаза на страшного господина.

- А ты мне верен?

- Да, милорд. - Слуга ударил кулаком в грудь - туда, где бешено колотилось сердце.

- Тогда поднимись и докажи свою верность, - властно распорядился барон.

Старик моментально повиновался: вскочил на ноги и, слегка понутив голову, ждал следующего приказа. И он не заставил себя ждать:

- Признайся, где прячется твоя госпожа?

- У водопада, в часе езды отсюда, милорд, - не задумываясь, ответил Джозеф и торопливо добавил: - Как только госпожа узнает, что вы очнулись, она сама приедет, чтобы с вами поговорить.

- Как ее зовут?

Джеффри понял, что слуга с готовностью отвечает правду, и его тон стал несколько мягче.

- Элизабет, младшая дочь сэра Томаса. - Старик ощутил сильную боль в кистях и только тут понял, что изо всех сил сцепил руки. Он судорожно, но глубоко

вздыхнул и попытался успокоиться.

– Она была здесь во время нападения?

– Да, милорд. – Воспоминания заставили старика содрогнуться. – Убили всех, кроме нее и ее младшего брата. Их я сумел вывести. Но до этого они видели, как их мать...

– Знаю, – перебил барон. – Мне докладывали, как выглядели тела и... как они погибали. – Он вспомнил, как недавно рассказывал Роджер об исковерканных трупах. – И ты утверждаешь, что она все это видела?

– И она, и брат. С тех пор до сегодняшнего дня мальчик молчит. Мне кажется, он ничего не помнит.

– Ты кого-нибудь подозреваешь? Кто организовал нападение?

– Сам я никого не узнал. Многие бандиты носили черные капюшоны. Но миледи считает, что за всем стоит Белвейн. Позвольте, милорд, я ее сюда привезу.

– Нет, – возразил Джеффри, – привезу ее я.

Их разговор прервал Роджер:

– Прибыл священник, милорд.

Джеффри облегченно вздохнул, – тела были преданы земле без отпевания.

– Займись им, Роджер, – кивнул он на Джозефа. – Пусть побудет здесь, пока я не вернусь.

Барон уже собирался уходить, как его остановил робкий голос старика:

– Разрешите, я покажу вам дорогу к водопаду?

– Нет. – Джеффри покачал головой. – Я еду один. Ее отец был верным вассалом. Это мой долг. Ты долго молчал, старик, и этим оказал госпоже нехорошую услугу. Но я тебя не виню – слышан, насколько она упряма. К тому же ты спас ей жизнь, и я этого не забуду. Но теперь я сам позабочусь о ее благополучии.

Джозеф почувствовал себя так, словно с плеч свалилась тяжелая ноша. Он проводил глазами выходящего из зала лорда Джеффри и решил, что у Элизабет в самом деле появилась надежная защита. Барон точно выкован из стали, и его сила послужит надежным щитом против любого, кто захочет причинить госпоже зло. Оставался один лишь вопрос, который не давал старику покоя: кто убережет леди Элизабет от лорда Джеффри?

До самого горизонта голубизну неба не омрачало ни единое облачко. Лорд Джеффри искал в лесу водопад. Он ехал уже больше часа и наконец различил сквозь пышную листву шум низвергающегося потока. Барон быстро соскочил с коня, привязал его к дереву и стал продираться сквозь чащу пешком. В послеполуденном зное мелкие брызги от устремляющегося с кручи потока рассеивались водяной пылью и покрывали его с головы до пят.

От Джозефа Джеффри знал, что хижина спряталась в чаще деревьев у озерца, внизу, у подножия водопада. Туда он и направился, как вдруг всплеск и тихое покашливание заставили его замереть. Рука Джеффри машинально потянулась к рукояти меча. Он ждал, когда враг выдаст себя новыми звуками, но неожиданно сквозь ветви деревьев различил золотое сияние. Он шагнул вперед и задохнулся от представшего его взору. Прежнее видение – та, которую его воины метко прозвали златокудрой, – Афродитой выходила из воды. Лорд завороченно смотрел, как она выбралась на мелководье и остановилась: ноги широко расставлены, руки томно подняты к голове. Солнечные лучи, струящиеся сквозь кроны деревьев, окутывали богиню золотой пеленой.

Неспешным грациозным движением Элизабет откинула волосы со лба. Умиротворенная, она вздохнула, наслаждаясь коснувшимся плеч жаром солнца и прохладой плещущейся у ног кристальной воды. Она заставила себя отбросить все тревоги и горестные думы. В душе девушка была уверена, что верный Джозеф свернет горы, чтобы надежно укрыть брата от Белвейна, а потом придет в себя Джеффри и выслушает ее... Но ожидание становилось невыносимым. А вдруг лихорадка вспыхнула вновь? А что, если рыцарь умер? Или Белвейн уже в Монтрайте и убедил каждого, что не имеет никакого отношения к

преступлению?

«Прекрати, – говорила она себе. – Ничего не остается другого, как ждать. Ждать и молиться. Такова уж женская доля», – горестно решила Элизабет.

Она зачерпнула в ладони воды и плеснула на шею. Джеффри стоял достаточно близко, чтобы разглядеть, как девушка поежилась и капли покатались меж полных грудей на тонкую талию, которую он мог, казалось, сжать пальцами одной кисти. От живой прохлады сделались твердыми соски, и Джеффри пронзила истома: каждое движение Элизабет источало невинную чувственность. Лорд ощутил, как изнутри поднимается волна горячего желания.

Слегка покачивая бедрами, девушка вышла из воды и принялась собирать одежду. Джеффри в укрытии чуть не лишился рассудка. Чтобы успокоиться, он глубоко вздохнул. Нет, он, барон Джеффри, господин над всем, что отказал Вильгельм, не возьмет ее здесь. Да, он будет ею обладать! Ей суждено принадлежать ему. Этот естественный факт – закон жизни. Лорд берет то, что хочет. Но всему свое время.

Рядом с Элизабет появились старые знакомые – собаки и принялись вертеться у ног, пока она не закончила одеваться. По тому, как огромные животные разом подхватились и последовали за хозяйкой в чашу, Джеффри понял, что они прекрасные сторожа.

Он уже собирался вложить в ножны меч и идти к хижине, как тишину прорезал пронзительный женский крик. С мечом в руке Джеффри рванулся на крик. На бегу он различил рык собак и возгласы мужчин... судя по голосам, по крайней мере троих. Через секунду он очутился на поляне у хижины, и перед глазами возникла ужасная сцена: нападавших действительно оказалось трое. Двое сражались с собаками, а третий то ли нес, то ли волочил к хижине упирающуюся девушку. Созерцание того, что какая-то мразь грубо хватает такую красоту, его красоту, довершило преобразование: благородный и справедливый правитель исчез, и его место занял могучий воин, одержимый одним стремлением – убивать. Недруг, пусть даже неосознанно, покусился на то, что принадлежало ему. И теперь за его алчность и глупость назначена единственная цена – смерть.

Бешеный рев рыцаря пригвоздил к земле разбойника, схватившего Элизабет. От страха похоть в его глазах погасла, он бросил девушку и повернулся лицом к

нападавшему. Ярость рыцаря не оставляла сомнений в его намерениях, и не помышлявший больше защищаться насильник оглянулся в надежде убежать. Лишь долю секунды он замешкался, и это промедление стоило ему жизни. Меч, направленный сильной рукой, со свистом опустился на плечо, легко рассек ключицу и добрался до сердца. Легкий поворот торса, и, довершая убийство, оружие вышло из тела обреченного. Джеффри бросился к двум другим разбойникам.

– Отзови псов! – обронил он через плечо поднявшейся с земли Элизабет, и та беспрекословно повиновалась.

Джеффри позволил противникам подобрать оружие и, широко расставив ноги, ждал с мечом на изготовку. Разбойники крадучись стали обходить его с двух сторон, и, наблюдая за их жалкой попыткой убить его, рыцарь усмехнулся. Нападавшие не успели заметить улыбку, не издали ни звука – двумя молниеносными движениями Джеффри убил их обоих.

Элизабет оторопело наблюдала за происходящим, не в силах понять, как здесь очутился барон.

Довершив разгром, рыцарь повернулся к ней, и от исходившей от него грубой силы и мощи у девушки подкосились ноги.

– Иди сюда!

Приказ прозвучал на удивление грубо, и в ее душе зародился новый страх. Элизабет не понимала, что происходит. Вправе ли она испытывать облегчение? Барон ее спас, так чего же она боится? Быть может, ее пугает рост мужчины или то, как легко он убил троих? Легко и словно бесчувственно... Элизабет была смущена, она ощущала, что вместе с запахом пота и смерти в воздухе витает опасность.

Оба напряженно смотрели друг на друга. Под изливающимся на нее потоком силы девушка застыла. Мощь сквозила во всей его фигуре: в мускулах широко расставленных ног, в сжатых в кулаки руках, в его уверенности в победе, но главное – в чертах лица. И эта мощь притягивала к себе Элизабет.

Его взгляд манил, и она шагнула вперед, остановилась прямо перед ним, ожидая неизвестно чего.

Но вот он расслабился. Девушка видела, как его тело избавляется от напряжения и жажды насилия. Наконец он вздохнул, его глаза немного потеплели, и страх Элизабет улетучился.

– Я убил ради тебя. – Тон барона показался вызывающим и заносчивым.

Элизабет наблюдала, как он чистит клинок, и ответила только тогда, когда меч оказался в ножнах:

– Вы спасли мне жизнь. Теперь я ваша должница.

– Да, – подтвердил лорд.

– Но и я спасла вашу. Я врачевала ваши раны. – Она произнесла это очень тихо.

– Помню, – ответил Джеффри.

– Значит, и вы мой должник.

– Я твой господин, – возразил барон, а про себя подумал: «К чему она клонит? Чего добивается?» – Ты принадлежишь мне.

Элизабет молчала, ожидая, что он скажет еще. Шли минуты, и Джеффри недовольно нахмурился. Если она собиралась его оттолкнуть, ничего хорошего ей от этого не будет. Она по закону принадлежит ему. Так что же еще надо? Чтобы она сама признала его господином?

– Ты моя, – повторил он.

Элизабет уже была готова признать справедливость его слов, как рука барона молнией метнулась к ее голове, скрутила на затылке волосы.

– Я решаю твою судьбу, – прорычал он.

Элизабет разочарованно нахмурилась. Она считала, что Джеффри – ее должник и поведет себя достойно. А он требовал, чтобы девушка признала его превосходство.

Он тоже был недоволен и еще сильнее сжал кулак. Боль заставила Элизабет вскрикнуть, но Джеффри не отпустил ее. Он притянул ее к себе и прижал к холодным металлическим колечкам панциря на груди. Девушка закрыла глаза и плотно сжала губы, чтобы больше не издать ни звука. Ее колотила дрожь, но она поклялась, что не покажет страха.

Джеффри посмотрел на нее сверху вниз и, заметив, как отчаянно она пытается скрыть свой ужас, улыбнулся. В ее глазах промелькнул огонек непокорности, и он понял, что это создание легко не сдастся. В ней чувствовались стойкость и мужество. Элизабет решила поселиться за стенами крепости с одними лишь собаками в качестве охраны – немыслимое дело для благородной леди, и она все же это совершила. «Упряма, – подумал барон, – но укрощать ее надо так, чтобы не сломать натуру. Придется начинать укрощение прямо сейчас...»

Джеффри наклонился, приблизил губы к ее губам. Поцелуй означал обладание и силу, которой ей суждено покориться. Девушка дернулась, но ее порыв к свободе остался без внимания: барон крепче сжал пальцы, и когда она попыталась что-то протестующе крикнуть и разжала губы, его язык проник глубоко к ней в рот, стал ласкать, наслаждаться, властвовать. Поцелуй отнюдь не показался нежным, но Джеффри не привык ублажать слабый пол. И все же он попытался сдержаться – Элизабет была благородной леди. Она казалась такой нежной, сладостной, свежей. И когда в конце концов она ответила ему, робко коснувшись языком его языка, Джеффри захлестнула горячая волна.

Итог его напора озадачивал. Сопротивлялась ли девушка? Она считала, что сопротивлялась. Но когда поцелуй угас, Элизабет обнаружила, что обнимает Джеффри за шею. Быть может, это он положил ее руки себе на плечи? Нет, честно призналась она. К тому же ее щека прижималась к защищенной панцирем груди. Элизабет было вспыхнула, но тотчас поборола стыд: не она вынудила барона к объятию. Наоборот, ей самой пришлось подчиниться силе.

Она почувствовала, что рука Джеффри напряглась сильнее, и только тут поняла, что он обнимает ее за талию. От рыцаря исходил запах кожи и пота, но Элизабет не испытала отвращения, наоборот, близость мужчины была ей приятна.

- Ты уже целуешься лучше, - пробормотал он.

А сам подумал, что никогда не испытывал такого всеобъемлющего теплого чувства. Ощущение тела Элизабет прямо у сердца проникало в душу.

Исходивший от ее волос тончайший аромат полевых цветов дурманил настолько, что, вдыхая его, Джеффри чуть не застонал. Он знал, что следует отстраниться, устрашающе взглянуть на Элизабет, чтобы та раз и навсегда поняла, кто из них господин, а кто слуга, но не имел сил разжать руки, согнать с лица улыбку.

Нельзя давать ей понять, что она обладает над ним властью, нельзя проявлять слабость - иначе он проиграет. По опыту рыцарь знал: стоит поддаться, и женщины начинают помыкать мужчинами, какими бы те ни казались сильными. Но его-то ни одна женщина не окрутит, он не позволит собой верховодить. Напротив, пусть она благодарит, что он властвует над ней.

- Тогда я сделала это из чистого любопытства. - Элизабет имела в виду тайный поцелуй во время болезни Джеффри. И, упершись в его грудь ладонями, добавила: - Раньше мне нечасто приходилось целоваться.

- Не сомневаюсь, что ты невинна. - В его тоне вновь почудилось высокомерие.

Улыбка Джеффри согревала девушку, и она заставила себя улыбнуться в ответ. А сама подумала: «С таким, как он, следует следить за собой». Барон ее привлекал, завораживал. Но на ее вкус он был слишком сильным, напористым, несокрушимым, как стены ее крепости. С таким мужчиной хлебнешь горя. Нет, симпатии к нему нельзя позволять расцветать. Он поглотит ее без остатка, а потом обратит свой взор на другой предмет вожеления, а ее выплюнет, как пустую шелуху. Элизабет отвернулась и постаралась вспомнить, о чем они говорили. Невинна. Джеффри сказал, что она невинна.

- Откуда вам знать? - неожиданно для себя спросила она и снова взглянула Джеффри в лицо.

Скорее всего, он хотел успокоить, показать, что не считает ее легкомысленной, не путает с обитательницами военных обозов.

Но девушка почувствовала раздражение. Неужели ее поцелуи так неумелы?

– Это ясно, Элизабет, – рассмеялся рыцарь. – Кто же еще способен воспользоваться случаем, пока мужчина в бреду. Такое поведение как нельзя лучше раскрывает характер.

Он над ней потешался, и его глаза весело лучились. Это удивило Элизабет. Она считала, что Джеффри вообще не способен смеяться.

Поцелуй, видимо, поднял ему настроение, и девушка решила этим воспользоваться.

– Вам лучше? – спросила она, улыбаясь.

– Лучше, – ответил барон.

– Вы назвали меня по имени, милорд. Откуда оно вам известно?

– Эту загадку решить не составляло труда, – хмыкнул он. – Но есть другие вопросы, на которые тебе предстоит ответить. Только позже, когда мы вернемся в поместье.

– С удовольствием... Но если милорд не возражает, я предпочла бы поговорить сейчас, пока мы не возвратились в Монтрайт.

Джеффри нахмурился, но все же кивнул. Подошел к валуну у хижины, присел и вытянул перед собой длинные ноги. И машинально принялся гладить улегшихся рядом собак.

– Для начала расскажи, почему ты не осталась в замке и зачем убежала сюда?

– Не могла, раз в Монтрайт собирался Белвейн. – Элизабет встала между раскинутых ног барона и молитвенно сложила ладони. – Это долгая история, милорд. Неужели вы хотите ее выслушать всю?

– Да, – отозвался Джеффри. Ему не терпелось услышать ее рассказ, чтобы понять, что случилось в Монтрайте.

– Мои родители, сестры, муж одной из них, – начала она шепотом, – все убиты... Виноват младший брат отца Белвейн... Он должен понести наказание.

– Давай-ка с самого начала, Элизабет. – Барон произнес это ободряющим тоном. – Расскажи, как все было.

Девушка кивнула и собралась с духом:

– Я не видела, как они нагрянули. Мы с маленьким Томасом в это время уехали кататься верхом. Вся семья собралась на день рождения братика. Такая у нас была традиция, – объяснила она.

Джеффри наклонил голову, давая понять, что внимательно слушает, но вдруг осознал, что Элизабет смотрит мимо него. Теперь ее рассудком владела память, лицо исказила мука, страшные слова готовы были вот-вот сорваться с языка. Рыцарь хотел ее обнять, утешить, но по тому, как гордо держалась девушка, чувствовал – она не примет сострадания. Она заново переживала адский кошмар, и Джеффри оставалось только слушать.

– Старшая сестра Катрин с мужем Бернардом приехали из имения в Грэнсбери, а Руперт плохо себя чувствовал и остался дома. Но он позволил Маргарет поехать... Ах, если бы он не отпустил ее одну! – Элизабет горестно вздохнула, черты лица приобрели удивительную неподвижность. Все остальное она досказала ровным, бесцветным тоном: – Все в грязи после скачки, мы с Томасом вошли с черного входа, чтобы переодеться. Не хотелось показаться в таком виде маме на глаза. В замке есть потайная лестница – ее не видно из большого зала, а на втором этаже дверь на площадку задрапирована гобеленом. Уже наверху я различила стоны и крики и поняла: дома что-то неладно. Оставила брата на лестнице, а сама приоткрыла дверь. Меня никто не заметил, зато со своего наблюдательного пункта я видела все. На полу, залитом кровью тростнике, валялись изуродованные трупы. Убийцы были в крестьянской одежде, но управлялись с мечами как заправские воины. Некоторые, чтобы скрыть лица, натянули на головы черные капюшоны. Я хотела определить, кто ими верховодит, и в этот миг заметила сестру Маргарет. Она полоснула по плечу одного из бандитов и бросилась к матери, но он догнал ее и всадил в спину нож. Маргарет упала. Я почувствовала, что Томас стоит рядом, и постаралась повернуться так, чтобы заслонить от него ужасное зрелище и прикрыть его самого. Один из нападавших – его голос показался мне знакомым – приказывал разыскать мальчика. «Отыщите щенка, – кричал он, – иначе все пропало». Я

понимала, что Томаса хотят убить, и мой долг был его уберечь – брат уже стал наследником Монтрайта, а матери я ничем помочь не могла... Но и двинуться я была не в состоянии, словно приросла к месту. Просто стояла и смотрела. Одежда матери была разорвана в нескольких местах. Это у нашей-то мамы! Она вырвалась из рук бандитов и вцепилась одному из них ногтями в лицо. Он взвыл. И тогда другой, тот, что убил Маргарет, взялся за меч. Лезвие взметнулось вверх, сверкнуло и опустилось маме на шею, и ее голова... мамина голова... покатила на пол.

Элизабет никому еще об этом не рассказывала. И теперь ей хотелось зарыться в землю и умереть.

Джеффри подошел, нежно отнял ее руки от лица и приласкал.

Его жест помог девушке справиться с нахлынувшими горестными воспоминаниями. Она взглянула на барона и увидела в его глазах сострадание.

– Больше я почти ничего не помню. Я увела Томаса обратно на лестницу, и мы отсиживались там, пока нас не нашел Джозеф и не вывел из замка. Позже мы обо всем сообщили родственникам Барнарда и Руперту.

Лорд Джеффри притянул Элизабет к себе, крепко обнял. Как бы ему хотелось стереть из ее памяти весь этот ужас, но он понимал, что это невозможно.

– Ты кого-нибудь узнала? – спросил он.

– Нет... Разве только человека, которого ранила Маргарет... Мне показался знакомым его голос. – И, словно вспомнив, добавила: – Его одежда была в крови.

– А других?

– Нет.

Барон немного подумал:

– Твой слуга сообщил, что ты отправила брата в Лондон. Зачем?

– Просто не знала, как поступить. По закону Белвейну полагается опекунство. А вас я считала старым и зловредным. С другой стороны, у меня не было никаких доказательств, что злодеяние совершил Белвейн. Вот я и решила укрыть брата у дедушки, пока не подтвердится вина дяди... или пока я сама его не убью.

– А почему ты считаешь, что он замешан в этом деле? – поинтересовался рыцарь.

– Он единственный человек, кто заинтересован в гибели нашей семьи, – принялась объяснять Элизабет. – Белвейн – младший брат отца и очень хочет заполучить Монтрайт. Отец выделил ему часть земель, но дяде этого показалось мало. Мать рассказывала, что до рождения Томаса Белвейн был вполне сносным человеком, но потом их отношения с отцом резко изменились. Сама я об этом судить не могу: слишком была мала, но помню, что, когда Белвейн приезжал к отцу в последний раз, они жутко спорили, потом дядя выскочил как ошпаренный и крикнул, что ноги его больше в Монтрайте не будет. Он так ругался, что я перепугалась, а отца его слова будто бы и не тронули. – Девушка высвободила руки. – Если мы все умрем, Монтрайт перейдет к Белвейну. Разве не так?

– Так, – подтвердил барон. – Но ты вовсе не похожа на мертвую.

– И тот же закон дает ему право на опекунство над Томасом.

Джеффри снова кивнул.

– Так вот, если Томас окажется в руках Белвейна, дядя найдет способ избавиться от него и от меня.

– Ты в его руках не окажешься, – успокоил девушку рыцарь.

– Значит, вы мне верите? – с надеждой воскликнула она. – И накажете Белвейна?

Но барон уклонился от прямого ответа.

– Я верю тому, что ты считаешь его виноватым, – проворчал он. – И тому, что от совершенного убийства Белвейн приобретает больше других. Но для обвинения требуются доказательства.

– Доказательства! – чуть не расплакалась Элизабет. – Но их нет! – Она отстранилась от Джеффри и добавила уже спокойнее: – Белвейна нельзя отпускать. Он должен заплатить за то, что совершил. Я сама его убью.

– Если Белвейн виновен, убью его я, – возразил лорд Джеффри. – Я допрошу твоего дядю, когда он явится в Монтрайт.

– Вы надеетесь, он признается во всем? Да он непременно солжет!

– Лжеца всегда можно поймать за руку. Я выясню, кто совершил преступление, и определю наказание. Это мое дело.

– Вы можете дать мне слово, что Белвейн не станет опекуном Томаса? – спросила девушка.

– Если Белвейн невиновен в преступлении, у меня нет оснований нарушать закон, – заключил Джеффри. – Он будет назначен опекуном Томаса. Но лишь в том случае, если выяснится, что вины его нет.

Элизабет отступила на шаг:

– Вы сюзерен и господин над всеми землями Монтрайта, а Томас после смерти отца – ваш вассал. Ваша обязанность – его защищать.

– Нечего учить меня моим обязанностям. Я их прекрасно знаю, – рявкнул барон, машинально уперев кулаки в бока, и добавил гораздо мягче: – Пока все не выяснится, мальчик останется со мной. Верь мне, Элизабет, я не допущу, чтобы кто-то причинил ему зло.

Девушка хотела верить. Хотя лорд Джеффри и не обещал тут же предъявить обвинения Белвейну, он все же определит Томаса в безопасное место. Одного этого было достаточно. По крайней мере, барон ее выслушал и не отмахнулся от того, что она говорила. Если же он признает дядю невинным, придется брать дело в свои руки.

– Пойдем, Элизабет. Время к вечеру. Продолжим разговор в замке.

– Я не могу быть при допросе Белвейна, – возразила девушка, не обращая внимания на то, как исказилось от гнева лицо барона. – К тому же я совсем не хочу видеть его разбойничью рожу. Я останусь здесь, пока Белвейн...

Ее фразу прервало приглушенное рычание. Джеффри подхватил Элизабет на руки и направился к водопаду. Собаки глухо заворчали, но тронуть не посмели.

«Боже, какая же она упрямая, – раздраженно думал он. – Как будто вовсе не боится своего господина». Это злило и вместе с тем удивляло барона. Он не привык к подобной отваге. Но все же не хотел бы, чтобы девушка сникала в его присутствии. И признавался себе, что сбит с толку... что очарован ею.

Тем не менее с ее упрямством и привычкой постоянно перечить надо было как-то бороться. Женщина должна знать место, понимать свою долю. Джеффри не собирался представлять Элизабет Вильгельму, пока она не укоротит язык. Король хоть и не мог диктовать, как жить барону, но Джеффри вовсе не хотелось, чтобы он считал его женой мегерой. Жену! Да, говорил он себе, Элизабет станет его женой. Иначе ее не удержать. Сделать просто любовницей – значит жестоко оскорбить память вассала, ее покойного отца. Томас был верным и честным подданным, и Джеффри не мог соблазнить его дочь, а потом выкинуть, как ненужную вещь.

«Я женюсь на ней ради памяти Томаса», – думал он. Джеффри не верил, что любит Элизабет, потому что считал себя неспособным на чувство к женщине. Прошлые измены наглухо запечатали его сердце. Но с того самого мига, как он увидел ее перед битвой на холме, боги вынесли свой приговор: им суждено быть вместе. Барон не очень-то понимал, зачем ему нужна эта девушка и почему он так скоропалительно принимает решение, но знал, что непременно повинуется своему побуждению. Или поддастся суеверию? Она превратилась для него в талисман. Все остальное не имело значения.

– К тому же, – пробормотал он, – настало время обзавестись сыновьями.

– Отпустите меня, милорд, – в очередной раз потребовала Элизабет, но, заметив, как побагровел шрам на щеке Джеффри, и поняв, чтохватила через край, тихо добавила: – Пожалуйста. У меня здесь лошадь и надо собрать вещи.

А сама подумала: «Какой же он упрямый и несговорчивый!» Но как ни странно, эта мысль не огорчила ее. Она верила, что барон сдержит данное слово и накажет виновного. А больше Элизабет в эту минуту ничего и не хотела.

Они не обменялись ни словом, пока могучий боевой конь не понес их с головокружительной скоростью через лес к замку. Элизабет сидела впереди и поневоле прижималась к груди похитителя.

– Вы уже знаете, что собираетесь сделать со мной? Куда отправите? – спросила Элизабет, желая лишь одного: остаться с братом.

– Да, – хрипло ответил Джеффри.

Чтобы не свернуть шею, он изо всех сил старался сосредоточиться на дороге. Все чувства обострились, но близость Элизабет отвлекала. С того самого мгновения, как он взял ее на руки, его переполняла горячая волна блаженства и покоя. Точно долгое время не хватало воздуха, а теперь легкие наполнились живительной струей, и этим возвращающим к жизни воздухом была Элизабет. Джеффри крепче обнял ее и обрадовался, что девушка не стала протестовать. Он с трудом сдерживался, чтобы не потереться щекой о мягкие золотистые волосы своей пленницы.

Элизабет показалось, что она ждет целую вечность, но Джеффри, похоже, не был настроен на разговор.

Тогда заговорила она:

– Когда я была еще совсем маленькой, отец подписал брачный контракт. Но Хью, тот мужчина, за которого я должна была выйти замуж, через два года умер. Теперь я не знаю, заключался ли другой контракт.

Элизабет решила об этом спросить у Джеффри, потому что прежде чем контракт вступал в силу, вассал испрашивал разрешение у сюзерена. Таков был закон.

– Нет никакого контракта, – категорически заявил Джеффри. – И не будет.

– Значит, я не выйду замуж? – изумилась Элизабет.

– Выйдешь, – возразил он. – За меня.

Если бы Джеффри не держал ее так крепко, девушка свалилась бы с лошади. Она молниеносно крутнулась в его объятиях, заглянула в глаза и брякнула первое, что пришло в голову:

– Почему?

Лорд не ответил, и по его плотно сжатым губам Элизабет поняла, что он не скажет больше ни слова.

Она снова повернулась и стала смотреть вперед на убегавшую под копыта коня дорогу. За поворотом реки показался Монтрайт, и у Элизабет от страха засосало под ложечкой. Сама не зная почему, она вцепилась в руки барона, но и это не помогло. А что, если Белвейн со своими людьми уже в замке?

Девушка, закрыв глаза, стала молиться. Прошлого не вернуть. Родители и сестры погибли, и теперь за судьбу Томаса отвечает она одна. И положиться не на кого, кроме как на этого упрямого, израненного в сражениях лорда. Окажется ли он достаточно сильным и хитрым, чтобы ее спасти?..

Глава 3

Свадьба состоится сегодня!

Элизабет не понимала, к чему такая спешка, но повлиять на ход событий никак не могла. Лорд так решил, и попытки получить объяснение ни к чему не привели.

Джеффри как будто участвовал в гонке со временем и собирался жениться до заката солнца. А Элизабет не видела в этом никакого смысла.

– Я хочу встретиться с братом, – пробормотала она ему куда-то в шею, но Джеффри только мотнул головой.

«Боже, он невероятно упрям!»

– После свадьбы, – наконец произнес он, опуская ее на кровать, и, уходя, добавил: – Я прикажу приготовить тебе ванну.

С тех пор как барон нашел Элизабет, он в первый раз почувствовал удовлетворение: наконец-то девушка сделалась молчаливой. Смущенное выражение лица, которое появилось, когда он объявил, что свадьбу сыграют немедленно, запомнится ему на много ночей. А уж он приложит все силы, чтобы смущение не проходило как можно дольше.

Признаться откровенно, Джеффри сам не понимал, к чему такая спешка с женитьбой. Но знал лишь одно: он не выдержит еще одной ночи без Элизабет. Да и какой же смысл тянуть, раз приехал священник поминать усопших. Церемония предстояла необычная – домашнюю церковь сожгли дотла, и жених с невестой не могли поклясться друг другу в верности у алтаря. Но брак признают законным, даже если торжества состоятся в зале.

Лишь после того как Элизабет станет принадлежать ему душой и телом, Джеффри обретет покой и сумеет вернуться к обязанностям сюзерена.

Девушка тоже, в свою очередь, ломала голову, зачем барону понадобилось брать ее в жены. И наконец решила, что он женится по двум причинам: из уважения к отцу и чтобы лучше защитить ее от Белвейна.

– Чувствует себя виноватым, – произнесла Элизабет вслух. Конечно, отец поклялся ему в верности и доверил свою безопасность. Таков закон! Но свой собственный дом обязан был защищать сам Томас, а не Джеффри.

Элизабет вышагивала по комнате, и к тому времени, когда двое слуг принесли деревянную ванну, ее настроение вовсе испортилось.

После ледяного купания в водопаде горячая ванна манила. Элизабет отыскала на дне сундука завернутые в чистое полотно кусочки ароматного розового мыла, которое подарила ей на день рождения мама, быстро сбросила тунику и забралась в ванну.

Элизабет полагала, что горячая ванна успокоит, поможет привести в порядок мысли, но даже в воде ей не удавалось расслабиться.

Белвейн еще не объявился в Монтрайте. Она принялась было молиться, чтобы с ним что-нибудь стряслось по дороге, но быстро опомнилась – нельзя возносить Всевышнему злое прошение. К тому же этот злодей в свой смертный час должен осознать, что свершилось возмездие...

В камине потрескивали дрова. Элизабет завернулась в покрывало, встала перед огнем на колени и принялась сушить волосы. Слишком многое предстояло обдумать, слишком многое решить.

В такой незащитной позе и нашел ее Джеффри. Он прислонился к дверному косяку, и глаза его потеплели.

Элизабет, хотя и слышала, как скрипнула дверь, не повернула головы, только подтянула на груди покрывало и продолжала сушить волосы. А обернись, она различила бы подлинную нежность во взгляде и теплоту в улыбке, с которыми Джеффри наблюдал за ее усилиями удержать на себе ткань. Он считал ее самой обольстительной, самой обворожительной нимфой – нежной, шелковистой и мягкой. Отсветы пламени мерцали на ее обнаженных плечах, придавая телу золотистый оттенок. Но по напряженной позе Джеффри понял, что Элизабет рассержена. И этот дух неповиновения вызвал у него такой же прилив теплоты, как вся ее внешность. Он был уверен, что, вырвись ее гнев наружу, уж кто-кто, а он с ним справится.

Дольше молчания Элизабет переносить не могла.

– Вы так всю ночь собираетесь стоять? – Она обернулась, и Джеффри увидел, что от жара камина ее щеки пылают, а глаза лучатся голубизной.

– Похоже, ты не в восторге от нашей свадьбы? – Он произнес это мягким тоном, но Элизабет почудилась насмешка.

В этот момент гривой непокорных кудрей и настороженным выражением глаз Элизабет напоминала львицу. Джеффри едва подавил желание стиснуть ее в объятиях, дотронуться до ее гладкой кожи.

– Не испытываю по этому поводу никаких чувств, – солгала девушка и поднялась с колен, чтобы униженная поза не заставила жениха поверить, что ее легко покорить.

Хоть Джеффри и ее господин, трепетать перед ним Элизабет не собиралась.

В ответ на ее замечание барон лишь кивнул, подошел к окну и, откинув тяжелую штору, выглянул наружу. Элизабет показалось, что он просто о ней забыл, и она растерялась, не представляя, что ей делать дальше.

– Вам не следует на мне жениться, милорд, – произнесла она. – Мне вполне достаточно вашего покровительства. Ведь вы вправе взять в жены любую... Даже жениться по любви...

Джеффри вел себя так, будто не слышал ни слова, и Элизабет оставалось только одно – ждать.

– По любви женятся глупцы, – наконец заговорил он. – А я не дурак. – При этом он даже не удосужился повернуться и продолжал что-то внимательно рассматривать за окном.

Громкий голос был до странности лишен какого бы то ни было выражения.

«Глупцы», – повторила про себя Элизабет. Так он считает любовь глупостью. Что ж, возражать нет смысла. Пусть знает, что она судит об этом предмете так же трезво, как и он. Лорд совершенно прав. Слыханное ли дело, чтобы люди женились по любви? Это совершенно непрактично...

И все же где-то глубоко в душе теплилось желание почувствовать себя любимой и полюбить самой. Глупо, конечно. Разве недостаточно, что Джеффри физически привлекателен, что ее к нему тянет... Недостаточно, призналась она себе. В постоянных отношениях физическая красота не играет роли. Так говорила ее мама. Брак строится по другим законам.

Элизабет немного побаивалась Джеффри, и это ее раздражало. Ведь они были упрямы. Столкновение таких одинаковых характеров отнюдь не сулит хорошего брака. Такого союза после недавних трагических событий Элизабет хотелось не

больше, чем зубной боли.

Лорд Джеффри ее почти не знает и поэтому не представляет, какую женщину берет в жены. Что он скажет, когда поймет, что она гораздо лучше разбирается в охоте и травле зайцев, чем в шитье и домашнем хозяйстве? Даже отец сетовал на ее неуправляемость и винил во всем саксонскую кровь. И как он был недоволен дедушкой-саксом, поощрявшим недевичье поведение. Именно дед подарил ей ястреба и двух волкодавов, а отец не скрывал, что раздражен этим. Мужчины соперничали друг с другом, а в итоге в выигрыше оказывалась Элизабет. Дедушка хвастался тем, что внучка многое унаследовала от предков-викингов, и в доказательство указывал на светлые волосы, голубые глаза и независимый характер.

Но если деда упрекали в том, что Элизабет не в меру своевольна, доставалось за это и отцу. Разве не он долгие годы воспитывал ее как сына?

Сумеет ли Джеффри поладить с дедом? Да и встретятся ли они когда-нибудь? А если встретятся, неужели милый гигант поведет себя с бароном так же, как когда-то вел с ее отцом? Вот уж тогда поднимется шум! Эта мысль заставила Элизабет усмехнуться. И как раз в этот миг Джеффри повернулся к ней. Заметив ее улыбку, он нахмурился.

Девушка, выдержав взгляд барона, ждала. Она поняла, что лорд Джеффри тоже принял ванну: волосы еще были влажными, и концы их слегка завивались. Он был одет в черную как ночь тунику с вышитым золотыми нитями на правой стороне груди гербом. Элизабет пугал барон, и как ни старалась она держаться, в конце концов опустила глаза: взгляд Джеффри был пронизан страстью.

- Священник ждет, - неожиданно объявил барон удивительно мягким тоном.

- Так вы не передумали? - прошептала Элизабет.

- Нет, не передумал. Одевайся. Когда будешь готова, сообщи стражникам - они отведут тебя в зал. И не заставляй себя ждать.

Не дожидаясь ответа, Джеффри вышел из комнаты, хлопнув дверью с такой силой, что от порыва ветра в камине сдвинулись поленья.

Элизабет заспешила. Раз уж предстоит непременно выйти замуж, лучше покончить со всем побыстрее.

Она надела простое белое платье и в качестве единственного украшения – золотую цепочку на талию. Волосы оставались влажными, и ей никак не удавалось привести их в порядок. Наконец она зачесала локоны назад и закрепила тончайшей газовой лентой.

Когда Элизабет следовала за стражниками навстречу своей судьбе, ее руки дрожали.

Внизу, у лестницы, Элизабет ждал Джеффри. Барон подал руку, она вложила свою ладонь в его, и они направились в большой зал.

При их появлении, к изумлению Элизабет, все мужчины опустились на колени и склонили головы.

Проявление почтения столь многих людей почему-то ее испугало.

Молитвы священника заставили Элизабет вернуться к тому, что происходило в зале. Он просил дать обет стоящему рядом с ней на коленях мужчине.

Все произошло очень быстро. Элизабет не запомнила, как сама встала на колени. Когда он взял ее за руку? Как надевал кольцо?

– ... Любить, почитать, заботиться... – монотонным голосом поучал священник, а девушка задумалась, любит, ли она барона. В каком-то чаду она произносила вслух:

– Я, Элизабет Катрин Монтрайт, клянусь... – Ее голос был едва различим, но священник казался вполне довольным. Лишь с благожелательной улыбкой он подался слегка вперед, чтобы услышать ответы.

– Я, Джеффри Уильям Беркли... – Свои многие титулы барон произнес громко и ясно.

А потом как-то сразу все кончилось. Джеффри поднял ее с колен и крепко поцеловал. Затем повернул лицом к своим людям. И за секунду до того, как раздался приветственный рев, Элизабет расслышала его удовлетворенный вздох.

Шум и возгласы нарастали. Элизабет увидела брата. Мальчик стоял рядом с Роджером. Она инстинктивно сделала к нему шаг, но муж поймал ее за руку.

- Подожди. - И положил ладонь ей на плечо.

Он кивнул Роджеру. Люди перед ними расступились, и воин подвел мальчика к молодоженам. Томас смотрел на барона с явным обожанием, а на сестру только мельком взглянул.

- Он тебя не помнит, - шепнул Джеффри, видя, как расстроена девушка. И добавил: - Это пройдет. Ведь голос к нему уже вернулся.

Элизабет улыбнулась и присела, чтобы заглянуть мальчику в глаза. Но он, казалось, не расслышал, когда она произнесла его имя.

- Томас, я твоя сестра, - повторила девушка, но в этот миг барон потрепал его по затылку, и мальчуган отвернулся.

- Я стану рыцарем, - похвастался он, но, вспомнив о приличных манерах, преклонил перед Элизабет колено и произнес: - Отныне я буду вас охранять, миледи. - И покосился на Джеффри, чтобы узнать, доволен ли его господин.

Лорд кивнул и помог жене подняться. Элизабет хотела взять брата за руку, но мальчик был уже далеко, в другом конце зала. Он уходил с Роджером.

Она повернулась к мужу, и Джеффри повел ее к праздничному столу.

- А где Тор и Гарт?

- Кто? - переспросил барон.

– Мои собаки, – с улыбкой объяснила девушка. – Так их назвал мой дед. Я подумала, может быть, Томас их не забыл.

– Собак закрыли внизу, – отозвался Джеффри. – Мальчик их боится.

– Невероятно! – Минуту назад Элизабет казалось, что в этот день ее уже ничто не удивит. – Они росли при нем со щенячьего возраста.

– Я говорю правду. – Голос барона звучал негромко, но твердо.

Он сел за столом напротив, но по выражению его лица Элизабет не взялась бы судить о его настроении. Казалось, будто муж надел маску и скрыл за ней все чувства.

– Я верю. У меня и в мыслях не было, что вы лжете. Просто меня это поразило.

Ее объяснение успокоило Джеффри, и он наградил жену улыбкой. Она могла бы показаться мальчишеской, если бы не шрам на щеке. И улыбка, и взгляд несли в себе чувственное обещание, и девушку пронзила дрожь.

– Каждый раз, когда появляются собаки, Томас прячется за спину Роджера. Псы его помнят и хотят поиграть, но мальчик раздражается таким ревом, что Роджер не выдерживает. Если у твоего братика такая же могучая рука, как и глотка, он непременно, когда вырастет, станет прославленным воином.

Теперь реветь захотелось Элизабет. Глаза наполнились слезами, она сжала кулак и только тут поняла, что ее держит Джеффри. Девушка разжала пальцы – еще подумает, что она не в меру чувствительна.

– Брат никого и ничего не боялся, – пробормотала она. – Отец даже беспокоился, что он так и не научится благоразумию. – Ее слова были проникнуты тихой грустью.

Но на Джеффри они как будто бы не произвели ни малейшего впечатления.

– Мальчик достаточно видел, чтобы измениться. – И прежде чем продолжать, муж передал Элизабет чашу с терпким красным вином. – Это пройдет. Так

всегда бывает.

«А у меня пройдет? – размышляла девушка. – Способно ли время заглушить в памяти предсмертные крики матери? Способно ли притупить жестокость убийства? А если исцеление предполагает забвение, не лучше ли, чтобы раны оставались открытыми и кровоточили? Нельзя расставаться с ненавистью – по крайней мере до тех пор, пока жив Белвейн».

– Поздравляю вас, миледи. – Негромкие слова и знакомый голос заставили Элизабет вздрогнуть. Она повернула голову и встретилась взглядом со старой служанкой матери.

– Сара! Я думала, ты погибла! – Девушка обратилась к мужу: – Позвольте, милорд, представить мамину верную служанку Сару. – Она снова взглянула на седовласую женщину. – Сара, это сюзерен отца, барон Джеффри Уилльям Беркли...

– Нет, – перебил ее рыцарь, – я больше не сюзерен отца, я – твой муж.

От его мягкого упрека Элизабет вспыхнула.

– Да, да, Сара, мой муж, – быстро поправилась она. В это время ее внимание привлекли знакомые слуги, вносящие в зал подносы с едой. – Откуда они... Когда...

– Все вернулись, как только узнали, что вы здесь. – Сара молитвенно сложила руки на груди. Она смотрела на хозяйку, но краем глаза заметила, что барон нахмурился. – То есть я хотела сказать, вернулись, когда узнали, что ваш муж очистил дом от разбойников.

Служанка повернулась к барону и почтительно опустила глаза.

– С вашего позволения, милорд, я помогу госпоже подготовиться ко сну. Ее горничная погибла во время налета.

Джеффри в знак согласия кивнул. Сара улыбнулась и протянула руку, словно хотела потрепать Элизабет по щеке, но вовремя передумала. Девушка заметила

ее смущение и сама любовно погладила служанку по лицу.

– Спасибо, Сара. Слава богу, хоть ты спаслась.

Служанка вернулась к своим обязанностям. Элизабет посмотрела на мужа, и тот заметил в ее глазах слезы.

Джеффри поражала выдержка жены. В ней была заложена особая хрупкая сила. Элизабет не походила на других женщин, и он это понял с самого начала. От нее исходило спокойное достоинство. И хоть характером она обладала вспыльчивым, умела сдерживать слезы.

Барону захотелось, чтобы девушка снова улыбнулась.

– Интересно, а ревешь ты так же громко, как брат? – спросил он.

Элизабет не поняла, подтрунивает он над ней или нет, и мотнула головой.

– Я никогда не реву, – ответила она, но тут же пожалела, что так глупо расхвасталась.

Джеффри восхищенно рассмеялся и прошептал на ухо:

– И никогда не улыбаешься мужу?

Нежное дыхание щекотало мочку уха и показалось девушке сладостной лаской. Чтобы обрести способность отвечать, ей пришлось отодвинуться.

– Об этом рано говорить. – Она тоже попыталась обратить ответ в шутку, но голос прозвучал неестественно хрипло. – Я вышла замуж, милорд, всего несколько минут назад. – Элизабет подняла глаза, и они так озорно заблестели, что Джеффри задохнулся от невиданной их синевы. С каждым мгновением девушка становилась все привлекательнее и желаннее, хотя он не понимал, как это было возможно.

– И ты довольна, что вышла замуж? – выговорил он, когда наконец обрел дар речи.

– Брак может оказаться трудным, – посерьезнела Элизабет и, выдержав взгляд барона, добавила: – Супруга я почти не знаю, но слышала о нем ужасные истории.

Джеффри опешил. По искоркам в глазах жены он решил, что Элизабет смеется, но ее лицо и тон оставались серьезными. С ним еще никто так не разговаривал, и барон не сразу нашелся, что ответить.

– Я твой муж. Ну-ка, выкладывай, что тебе обо мне наговорили!

– Много всякого. – Девушка еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

– Я должен знать все! – Его голос взлетел вместе с возрастающим гневом.

И уже выпалив приказ, Джеффри пожалел об этом. Он не собирался пугать молодую жену перед первой брачной ночью, но, кажется, добился именно этого. Элизабет отвернулась, спрятала от него лицо. Теперь, хоть это и неловко, но придется ее утешать. Только вот как это сделать?

Барон в сердцах грохнул кубком о стол и, взяв кончиками пальцев Элизабет за подбородок, повернул ее лицом к себе. Он решил, что просто улыбнется ей, и жена сразу поймет, что не лишилась его благосклонности. Он совершенно не был готов к тому, что она будет лучезарно ему улыбаться.

– Я шутила, муженек, не сердитесь. И совершенно не хотела вас обидеть. – Элизабет всеми силами старалась сдержать улыбку.

– Значит, ты не испугалась? – Джеффри понял, что задал идиотский вопрос.

– Что, не любите, когда над вами подшучивают?

– Не думаю, чтобы мне нравились такие шутки. – Джеффри хотел, чтобы его голос прозвучал сухо и строго, но не очень в этом преуспел: улыбка девушки согревала, как проникший в мрачную, сырую комнату солнечный луч, так что он усмешкой добавил: – Если только поддразниваю не я сам.

Элизабет снова рассмеялась:

- В таком случае наш брак...

- Тост! - прокатилось по залу.

Она подняла глаза и увидела Роджера. Воин держал кубок высоко над головой, а на плече у него примостился Томас и, вцепившись обеими руками в его шевелюру, хихикал.

Барон почувствовал легкое раздражение. Его увлекала милая перепалка с женой и интересовало, что она собиралась ответить. Усилием воли он заставил себя вернуться к празднествам и прошептал ей на ухо:

- Позже, женушка, позже. Потом ты мне расскажешь все жуткие истории о моем ужасном характере.

- Возможно, милорд, возможно, - в тон ему ответила Элизабет, не сводя взгляда с Роджера и брата.

С каждым глотком горячащего вина девушке становилось все лучше. Какая-то теплая волна окутывала ее.

- Откуда, милорд, у вас такое славное вино? - спросила Элизабет. - Мы не привыкли к таким напиткам.

- Даже во время пиров? - искренне удивился Джеффри.

- Пили только пиво, - отозвалась девушка. - И ели с общих подносов. - Она показала на деревянные дощечки, которые вносили и ставили на стол слуги.

- Но твой отец был обеспеченным человеком, - заметил барон.

- Обеспеченным, но чересчур бережливым, - прыснула девушка. Она подалась вперед, и ее ладонь словно случайно легла на руку мужа. - Дедушка ужасно смеялся над его тугим кошельком, - добавила она заговорщическим тоном.

– Кажется, ты обожаешь дедушку? – Джеффри развеселило ее поведение.

– Да, мы очень похожи. – Элизабет сделала еще глоток и взглянула на мужа поверх кубка.

– Довольно. Дай-ка сюда, – Джеффри бесцеремонно отобрал у жены кубок и поставил на стол. – Я не хочу, чтобы в нашу брачную ночь ты спала.

Его неделикатное напоминание о том, что вскоре должно было произойти, заставило Элизабет похолодеть. Улыбка на лице погасла, и она потупилась. Девушка съела лишь крохотный кусок пирога с перепелами и не притронулась ни к лебедю, ни к приготовленным для праздника пирожкам с лесной земляникой.

На столе появлялись все новые и новые яства. Кругом разносились восхищенные возгласы, когда перед Элизабет поставили зажаренного павлина, украшенного собственными перьями. Оруженосец подал барону влажное полотенце, тот вытер руки и принялся разделявать птицу. Госпоже прислуживал паж.

Священник и несколько приближенных Джеффри присоединились за столом к молодой паре. Но Томаса по малолетству и положению к ним не допустили, хотя каждый раз, когда Элизабет бросала взгляд в сторону брата, она видела, что у мальчика, как у бурундука, щеки набиты едой. «Манеры не лучше, чем у моих псов, – решила она. – Ничего, вот скоро станет пажом у Джеффри, тогда и научится приличному поведению».

Кто-то из мужчин стал читать известные и довольно смелые стихи, потом низким баритоном запел раскрасневшийся от выпитого рыжеволосый оруженосец, и зал, внимая пению, притих.

Баллада повествовала о храбром Роланде и его мече Дюрандале. Герой вел к победе войско. Баллада гласила, что он ехал впереди всех, пел чистым голосом и, как жонглер, подбрасывал вверх меч. Он первым погиб, даже не вступив в сражение, и превратился в легенду.

В глазах Элизабет человек этот был полнейшим глупцом. Наверное, у нее не романтическая натура. Мертвый есть мертвый – пусть даже воспетый в легенде. Ей захотелось узнать, что думает об этом Джеффри. Но в это время баллада

закончилась, зал разразился хвалебными возгласами Роланду, а когда они стихли, Джеффри кивнул слуге, тронул жену за локоть и произнес:

- Пора. Отправляйся в спальню. Я скоро приду.

Элизабет самой захотелось уйти, но только не в спальню – ее манила высокая дверь во двор, и от этого детского желания сбежать девушка чуть не рассмеялась.

Она встала и, придерживая подол платья, последовала за Сарой, стараясь не выходить за пределы светлого пятна от фонаря, который несла служанка. И оступилась лишь раз – на повороте лестницы. Девушка обернулась. Муж стоял среди воинов, но, казалось, не слушал их рассказы, а пристально смотрел на молодую жену. И от обещания чувственной ласки в его темных глазах сердце Элизабет подпрыгнуло.

- Госпожа! – слышался голос, Сары, но Элизабет никак не могла порвать магическую связь взгляда.

- Да, – наконец прошептала она, – иду, – но не тронулась с места, пока Сара не потянула ее за рукав.

В спальне Сара подкинула дров в камин и, без умолку болтая о деревенских новостях, принялась раздевать хозяйку. Волосы оставили перевязанными лентой на макушке. Только несколько прядей выбились из узла и ниспадали по щекам. Элизабет отбросила их назад и юркнула в поданный служанкой халат.

Присутствие Сары успокаивало. День выдался на редкость утомительным, однако Элизабет чувствовала не только усталость, но и возбуждение.

- У вас руки дрожат? – заметила старушка. – От страха или от радости?

- Ни от того, ни от другого, – возразила Элизабет. – Я ужасно переутомлена – день сегодня очень длинный.

- Госпожа, ваша матушка вам когда-нибудь объясняла обязанности супруги? – Сара спросила это с такой прямоотой, что девушка вспыхнула от смущения.

– Нет. – Элизабет отвела взгляд. – Но я подслушивала рассказы, которыми обменивались сестры. Мне кажется, что женщина сама не должна ничего делать. Разве не так? – В ее вопросе послышались панические нотки – отзвуки внутренней бури.

Служанка покачала головой.

– Когда мужчина приходит в возбуждение, ему хочется, чтобы дама ему отвечала. – Сара произнесла это вполне обыденным тоном. – Боюсь, как бы вы не разозлили супруга...

– Меня не интересует, разозлится он или нет. – Элизабет распрямила плечи. – Надеюсь только, что все закончится быстро.

– Существуют разные способы ускорить событие. – Она откинула одеяло и снова повернулась к госпоже. – Но это, миледи, потребует от вас смелости... и дерзости.

Разговор начинал интересовать девушку. Сара вела себя так, словно деликатная тема ее нисколько не смущала, – лицо оставалось невозмутимым, как будто они обсуждали, как лучше фаршировать перепелов. Элизабет вспомнила, что служанка была почти втрое старше ее, и решила, что оттого и проявляла такую нечувствительность.

– Что же я должна делать? – Элизабет была готова на что угодно, только чтобы ночь прошла побыстрее.

– Обольщать мужа. – Сара заметила озадаченное выражение лица госпожи и склонила голову. – Он жаждет лечь с вами в постель. Я поняла это по его глазам. Еле сдерживается. Вам нужно...

Сара не успела договорить, потому что дверь распахнулась и на пороге появился Джеффри. Элизабет стояла у камина и не сообразила, что мерцание огня просвечивало тонкую ткань рубашки, очерчивая ее хрупкую фигуру. Под взглядом мужа внутри все похолодело. Она выдержала восхищенный взор и молила только об одном, чтобы дрожь побыстрее унялась.

Сара ушла, и новобрачные остались одни. Взгляд Джеффри смущал девушку и, притворившись, что греет перед огнем руки, она отвернулась к камину. Мысли вертелись вокруг недосказанной фразы Сары. Обольстить мужа... Разыграть шлюху? Неужели именно это имела в виду служанка? Нет, решила Элизабет, она на такое не способна. И почему обольщение способно ускорить события?

Она вдруг поняла, что ведет себя так, будто прячется от мужа, и медленно обернулась к Джеффри. Супруг сидел на краю кровати, стягивал сапоги и во все глаза смотрел на нее.

«Хоть бы улыбнулся, – подумала Элизабет, – только бы не выглядел таким серьезным, таким сосредоточенным. Словно старается вывернуть наизнанку, прочесть все мысли, понять чувства, докопаться до самой души. И закобалить». Он казался вполне на это способным. Она чуть не перекрестилась, но вовремя взяла себя в руки.

Не говоря ни слова, Джеффри поднялся и принялся снимать одежду. Его изумило, что пальцы не сразу справились с привычными застежками. Не может быть, чтобы руки дрожали! Он по-прежнему смотрел на жену. Как бы он хотел, чтобы она казалась испуганной. В ней чувствовался тщательно скрываемый страх. И все же Джеффри не испытывал раздражения. Элизабет стала его женой, его собственностью. И он сознавал, что сделал правильный выбор.

Элизабет наблюдала, как он снова и снова безуспешно пытался одолеть застежки. В конце концов она медленно подошла к супругу и, улыбнувшись одними кончиками губ, сама расстегнула три пряжки.

Джеффри пристально смотрел на нее, вдыхая свежий аромат девичьего тела.

– Нужно сменить бинты, – проговорила она, отступив на шаг, – и положить новую мазь.

– Их уже сняли, – ответил муж хриловатым голосом и сбросил последнюю одежду. Элизабет твердила себе, что недавно видела этого человека обнаженным. Но тогда он без сознания метался в бреду и горел в лихорадке. Желание поразительно изменило его тело, и перемены ужаснули девушку.

– Не бойся, – мягко произнес барон и положил руки на плечи жены, но не притянул к себе, а начал неспешно рассматривать лицо – глаза, нос и особенно рот.

– Я не боюсь, – вспыхнула Элизабет и громким и чистым голосом продолжала: – Я уже видела вас таким, – и в ответ на удивленный взгляд супруга добавила: – Когда ухаживала за вами. Тогда это было необходимо...

– Помню, – признался он и про себя улыбнулся, заметив, как зарделись щеки жены. – И я тебя видел без одежды.

Изумление не позволило почувствовать, как пальцы мужа скользнули к талии, к придерживающему полы халата поясу.

– Когда? – нахмурилась Элизабет.

– У водопада. Когда ты купалась.

– Вы за мной подглядывали? – негодуя воскликнула смущенная девушка.

– К тому времени я уже решил на тебе жениться и поэтому имел на это полное право.

Элизабет оттолкнула руки супруга и сделала шаг назад, но, наткнувшись на кровать, поняла, что отступить некуда.

– Когда же вы решили на мне жениться? – шепотом спросила она.

Джеффри не отвечал. Просто стоял и ждал. Смущение и страх перед неизвестным, чему суждено было произойти, становились непереносимыми. Нужно поскорее со всем покончить, решила Элизабет. Она медленно распустила пояс и, прежде чем ее покинули последние капли отваги, скинула на пол одежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Жан Фруассар (ок.1337 – после 1404) – французский хронист, поэт.

2

Имеется в виду Вильгельм I Завоеватель – предводитель норманнов во время завоевания Британских островов в 1066 году. – Примеч. пер.

Купить: https://tellnovel.me/garvud_dzhuliya/blagorodnyy-voin

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)